РОСТИСЛАВ КОТ

ТЫ ИЗБРАН

ПОСЛАНИЕ БЕЗ ПОДПИСИ

16+

Проект Черная Игла

Книга первая, эпизод первый

Ростислав Кот

Ты избран

Серия «Чёрная игла», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43687469
SelfPub; 2019

Аннотация

Главный герой, Ачет по прозвищу Космонавт, – агент секретной службы малонаселённой звёздной колонии. Неожиданно к нему в руки попадает план готовящегося вторжения из более «цивилизованных» миров. Ачет пытается предотвратить беду. Однако кто-то из местных правителей из сиюминутных побуждений пытается утаить сведения о надвигающейся угрозе. Жизнь Ачета повисает на волоске… Эта книга – начало большой истории. Эпизод первый проекта «Черная игла». Много ещё всего будет впереди. Но первый бой будущей войны – он всегда первый бой.

Содержание

Вместо пролога 7
Утро, которое ты ещё вспомнишь 9
Первый мост 55
Наедине и в одиночестве 73
Неоконченная беседа о любви 102
Второй мост 116

1. Городок Гражданской гвардии
2. Дом капитана Эрбаха
3. Юго-западное полицейское управление
4. Континентальная стрелка Шоссе
5. Экономический колледж
6. Офис таможенной службы
7. Кондуктория
8. Университет
9. Юго-восточное полицейское управление
10. Арсенал
11. Общественный совет колонии
12. Северное полицейское управление
13. Единый технический совет
14. Парламентская миссия Малого Кольца
15. Министерство транстпорта
16. Министерство промышленности и торговли
17. Министерство энергетики
18. Центральная диспечерская общепланетной энергосистемы
19. Штаб гражданской гвардии
20. Городок Гражданской гвардии

– Как бороться мне за лучшее для людей? – спросил однажды у Странника пылкий юноша.

– Будь мудр. Будь честен. Будь собой. И враги найдутся сами, – ответил ему Странник.

Неканоническая запись «Легенды о Страннике», сделанная на древнем языке Тдмт, перевод Кдалла, бродячего философа

Никто не знает в точности – для чего он предназначен судьбой. Но если в сложившихся обстоятельствах ты вдруг чувствуешь вызов, вполне возможно, что это оно самое и есть. Тогда не упускай момент и постарайся соответствовать…

Кдалл, бродячий философ с планеты Имллт, из записной книжки «Банальные мысли вечны»

Вместо пролога

Я всё ещё сплю. Это подсознательный контроль ситуации. Я научился контролировать себя даже не просыпаясь. Меня зовут А́чет, полное имя пока опустим. Мне двадцать шесть. Профессия – агент адвослужбы (что это такое, поясню позже). Моё прозвище и оперативный позывной – Космонавт (почему – расскажу как-нибудь). Мне остаётся только четверть часа той жизни, которую я потом назвал бы спокойной и беззаботной. Только четверть часа – а потом затянет меня в свой многолетний водоворот эта история. Для кого-то великая, для кого-то трагическая… А для меня – просто судьба.

Итак, я запускаю мысленную процедуру самопроверки. Во сне, как наяву.

Место действия…

Планета Имллт, внешний сектор колоний Малого кольца.

Континент – Первая Земля, юго-западное побережье.

Безымянный посёлок на 75-м километре Шоссе, соединяющего города Кодд и Ина́ркт (счёт, естественно от Кодда).

3-я Левая улица, заброшенное здание склада без номера, замаскированный оперативный гараж с выездом у дальней от посёлка стены.

Время…

9-е Примирения, второй месяц осени.

5:45 утра по местному времени, примерно час до восхода солнца.

А так, по-крупному, – 1364 год от Закрытия Вечного Моста (хотя не все уже, наверное, помнят, что это значит).

Оружие…

Пистолет под подушкой. Дурная привычка, ничего не поделаешь. Хотя, с другой стороны, места здесь глухие…

Связь…

А вот рация у меня вечно где-то валяется. Только брелок специальной связи всегда с собой – на груди, на цепочке.

Состояние…

Сплю я, вот какое моё состояние.

Внешний вид…

Совсем не парадный…

План действий…

Использовать шанс отоспаться – сегодня не моя смена. Дежурят другие.

У меня остаётся только четверть часа, но я этого ещё не знаю. Поэтому не будите, дайте поспать.

Утро, которое ты ещё вспомнишь

Назад начинаешь оглядываться, когда вдруг почувствуешь, что проскочил какую-то развилку.

Кдалл, бродячий философ с планеты Имллт, из записной книжки «Банальные мысли вечны»

Редко бывают сны, которые помнишь потом всю жизнь. Этот я не забуду. Знающие люди говорили мне, что сон запоминается, когда во время него будят. Вот меня как раз и разбудили. И сон остался в памяти – как знак…

Не уверен, с чего там во сне всё началось: тоже было что-то осмысленное, но в памяти не зафиксировалось. Ну, в общем, купался я в море… Место могу показать точно: было это возле маяка на мысе Прощания, по другую сторону бухты от моего родного Кодда. Там есть песчаная отмель, где не особенно глубоко – метров пять-семь… Когда океан не гонит в бухту волну и день солнечный, нырять там – одно удовольствие. Кто-то даже пробовал с острогой на рыбу охотиться.

Плыву я, значит… Вода прозрачная, вся солнцем просвечена. Дно подо мной – как равнина с высоты птичьего полёта. Полная уверенность, что летишь: песчаные складки да завитки на дне проплывают внизу, словно барханы неведомой пустыни… Иногда ныряю и иду над самым дном – точно

птица, спустившаяся с небес…

И вот нырнул я в очередной раз, пару гребков сделал… И тут вдруг что-то на дне заметил! Что-то длинное, узкое, тёмное…

Надо сказать, что я вырос у моря. И глаз у меня в этом вопросе верный – это был не край случайного камня, занесённого песком. Это был и не кусок топляка. И не дохлая рыба. И не обломком рыбацкого багра был этот таинственный предмет, хотя по форме похож…

Я знал, что море дважды такие вещи не показывает. И нырнул глубже, чтобы разглядеть. И, если получится, – достать…

Да, это была совсем не обычная вещь! Я даже не решился её сразу коснуться… Протянул руку, но не коснулся.

На что же это было похоже? Что-то вроде короткого чёрного копья. Но именно что вроде… Держать такое копьё было бы неудобно – так мне показалось. С двух концов явно угадывались острия, гранёное древко тоже было из металла. Форма предмета казалась предельно рациональной, но при этом выглядела довольно сложной. Древко сужалось к остриям хитроумными зигзагообразными ступеньками. Оно будто бы состояло из множества фантастически точно пригнанных друг к другу частей. Все грани и плоскости были гладкими и чистыми, чуть ли не зеркальными, а края оставались острыми, словно эту штуку уронили в воду только что. Однако лежала она на дне уже давно – не знаю почему, но во сне я

был в этом совершенно уверен. Я бы мог даже сказать, что с той поры, как человек в последний раз держал это в руках, сменилось много поколений…

Озадаченный, я замер в воде, медленно всплывая в облаке серебристых пузырьков. Разглядывая свою таинственную находку, я понял, что этот предмет не просто лежал тут: создавалось впечатление, что он – на своём месте… Покоится, как затаившаяся, мрачная сила… Волнистое песчаное дно исполняло роль подстилки под этой чёрной драгоценностью, толща воды была как прозрачный ларец. Ах, какие поэтические ассоциации возникали у меня в том сне!

Да, это всё-таки больше всего напоминало копьё. Солнечные блики с поверхности моря играли на его тёмных гранях как переливчатая гравировка веков. Узор их непрерывно менялся. Менялся быстрее, чем память успевала зафиксировать хоть какой-то вариант. Эти пляшущие светлые и тёмные блики – словно хорошие и плохие слова – только скользили по тёмному металлу, не касаясь его сути. Для этой вещи, рождённой на тёмной стороне жизни, человеческие слова не подходили. Она даже не требовала уважения, она просто БЫЛА. Что ей уважение тех, чьи поколения меняются так же часто, как и блики на её строгих гранях? Если не чаще…

И я вдруг понял, что это… Это была Чёрная Игла! Да, то самое легендарное древнее оружие, силе которого, согласно легендам, нет предела… Что ж, тогда она действительно

должна была лежать здесь давно: за те сотни лет, пока этот зловещий артефакт считался утерянным, даже внешнего вида его память людская не удержала. Никто не мог точно сказать ни что такое Чёрная Игла, ни как она выглядит… Кроме меня!

Радоваться бы мне, да что-то было не так… Чем дольше я глядел на Чёрную Иглу, тем отчётливей понимал, что потеряли её сколько-то там сотен лет назад неспроста. Да и слово «потеряли» к такой вещи совсем не подходило. От такого можно только сбежать, избавиться, как от наваждения… Или как от проклятия… Чем-то таким от неё веяло, от этой штуки, совсем не человеческим…

Почему-то я был уверен, что, если нырну ещё раз, никакой Чёрной Иглы на дне уже не будет. Стоит ли подобрать? Только глупец мог сразу ответить на этот вопрос! Сколько поколений искало её… Сколько людей погибло или пропало в безвестии… Что двигало ими? Деньги, слава, жажда власти… Свободен ли я от всего этого? Верилось, что свободен… Да, я тоже искал Чёрную Иглу, как и все на нашей планете. Начал ещё в детстве, в лопухах на соседском дворе… Но зачем?

Во сне я откуда-то знал, что над моим миром нависла угроза. Какая именно, я в тот момент не мог сформулировать, но был уверен, что она есть. И что Чёрная Игла нужна мне, чтобы защитить своих соплеменников. Не только тех, кого я знал и кто был мне дорог, – всех… Я должен был

стать воином – и победить. Именно так! Во сне всё это казалось абсолютно серьёзным… Чёрная Игла была нужна мне для великого дела! Становиться предметом торга или фундаментом чьей-то гордыни она не согласилась бы – это было слишком мелко для неё. Но эпохальная битва в очередном поколении суматошных людей, мелькающем в череде столетий, битва, после которой даже солнечные блики затанцуют по-иному, – это был, видимо, достаточный повод, чтобы отвлечься на время от глубокой голубой пустоты, где она пребывала – от небытия. Потому она мне и явилась…

Хорошо, что это было во сне… А то мне точно не хватило бы воздуха на все эти мудрейшие размышления…

Я протянул руку… Но едва мои пальцы приблизились к узорчатым граням, как я почувствовал, что за обладание этой силой придётся заплатить. Точнее, не за обладание, это было бы слишком сильно сказано – всего лишь за её кратковременное сотрудничество. Плата была так же темна и тяжела, как сама Чёрная Игла. Получаешь всё – платишь всем. К сожалению, у могущественных сил всегда как-то не густо с вариантами…

В глазах от удушья уже плыли разноцветные круги… Или это солнечные зайчики, преломлённые волнами, расплясались на строгих металлических гранях, будто смеясь надо мною? Воин, великий воин – а пальчики-то свело от страха…

Я схватил её… Мои пальцы сомкнулись на древке Чёр-

ной Иглы. Стальные грани врезались в ладонь… В последний миг я испугался, что у меня не хватит сил вот так, сразу, вытащить её. Железяка таких размеров обещала быть весьма тяжёлой. Нужно ведь ещё вынырнуть, а воздуха уже нет давно…

Я оттолкнулся ногами от безмятежного волнистого дна. Что было силы оттолкнулся. Белый песочек взбаламутился, видимость пропала… Но я уже летел вверх, всплывая над этим мутным облаком через подсвеченную солнцем прозрачную толщу воды. Я грёб что есть силы ногами и одной рукой – вторую оттягивала Чёрная Игла. Впрочем, не такой уж тяжёлой она оказалась. «Тяжела твоя доля, а металла не бойся», – подумалось мне тогда почему-то. Зеркально-синяя поверхность моря всё приближалась, колыхаясь в своём бесконечном танце… И вот я вынырнул, с шумом и брызгами, выскочив из воды чуть ли не до пояса…

Скорее на берег! Плыть с Чёрной Иглой не так-то просто… Исторический момент: я выношу её из океана… После многовекового отсутствия – в мир людей… Вода стекает с меня, я весело отфыркиваюсь, но отчего-то хочется плакать… Счастливые люди считают, что во сне не бывает по-настоящему страшно… Какая чушь!

Ветер с океана холоден, для него нет любимчиков. И когда ты стоишь на берегу, под голубым небом, в одних плавках, даже солнцу тебя не согреть. С этой железякой в руке… И

вбил же себе в голову, что это Чёрная Игла! А может, это всего лишь деталь от какой-нибудь машины… Смешно, но ты пытаешься убедить себя, воин, что трясёт тебя от пронизывающего ветра, а не от страха. И кажется уже, что эти строгие, идеальные грани режут не ладони, а саму душу… Бр-р-р-р! Похоже, что плата уже взимается…

И тут же приходит понимание того, как она действует, эта штуковина – в обмен на уплаченный только что аванс… Ты оглядываешься в сторону скалистого мыса. Там, за прибрежными холмами, за устьем реки Уара́ты – энергоцентр. Термоядерный конвертор. Чёрной Игле нужна энергия, много энергии… Я представляю себе эти самые потоки энергии – и чувствую, как Чёрная Игла в моей руке вытягивается, становится всесильной, достаёт до небес…

Мужество… Где же оно, это мужество? Должно же оно быть у меня?! Именно сейчас, чтобы не бросить этот проклятый дар – и иметь управу на врагов…

И НАШЛИ ЖЕ ВРЕМЯ МНЕ ЗВОНИТЬ!!!

Болтающийся у меня на шее брелок специальной связи пищит, тренькает, разрывается…

И кому! И почему ИМЕННО СЕЙЧАС! Я ПОНАДОБИЛСЯ! Среди ночи…

Брелок всё пищит. Я чувствую, что начинаю просыпаться – и понимаю, что не ночь уже, рассвет близится… А сердце

гулко колотится в груди. И я всё ещё стараюсь удержать в памяти ощущения – вот я, мокрый и дрожащий, с чем-то этаким грозным в руке… Холодный ветер с океана… Солнце, волны блестят у самых ног… Я на берегу, у маяка на мысе Прощания… Нет… Уже нет… Сон уходит. Эх, не досмотрел, как я им там всем показал…

Сон уходит, но остаётся тяжесть в душе. Приснится же такой бред… Чёрную Иглу я нашёл, ага… Знал бы ещё кто-нибудь, что она есть такое на самом деле – про эту проблему я, вон, даже во сне вспомнил… Да и есть ли она вообще, эта Чёрная Игла, или выдумки это, как и многое-многое другое? А вот то, что я опять просыпаюсь не дома, а в своём гараже – это реальность…

Я сел на кровати, потёр лицо ладонями… В гараже холодно, но волосы прилипли к потному лбу. Да, ещё не рассвет, а только его предощущение. В синем сумраке циферки наручного навигатора горят рубиновыми искрами. С трудом фокусирую взгляд, чтобы разглядеть их. Шесть утра с одной минутой. Замечательно! Служба, чтоб её…

Да, не вовремя меня разбудили – спал бы я себе дальше. И за этим сном, тревожным и бредовым, последовал бы другой – безмятежный и радостный, как следующая жизнь, какой она представляется из жизни этой…

Поморщившись, я вспомнил свои военные упражнения во сне – как размахивал чёрным металлическим копьём, достающим до небес… То ли ужас, то ли восторг… И чего только

порой не приснится!

Брелок специальной связи, маленький и бесхитростный с виду металлический цилиндрик, назойливо пищит, раскачиваясь на цепочке. Поймав брелок, я откидываюсь обратно на жёсткую подушку и на ощупь нахожу на нём крохотные кнопочки. Их три – одна гладкая, вторая с хорошо ощутимой рельефной точкой в центре, третья – с двумя такими же точками. Вторую и третью кнопочки использовать мне пока ещё не приходилось – и слава Великой Матери! А вот первую частенько приходится нажимать для передачи оперативных сообщений – из тех, что нельзя передать по рации или обычным звонком по коммуникатору. Брелок – вещица посерьёзнее коммуникатора. Начать с того, что, насколько я знаю, его сигнал невозможно как-то перехватить или подавить. Кроме того, сообщение, адресованное мне, смогу получить только я, никто другой этого сделать не сможет. И это далеко не всё…

Я нажимаю первую кнопку и жду примерно секунду. Крохотная железка сличает мои отпечатки пальцев или там биотоки – я не в курсе, что именно. Но я знаю, что сообщение пойдёт лишь в том случае, если жал на кнопку именно мой палец, и он был при этом единым целым со своим живым и находящимся в сознании владельцем. И только если нажимать никто не помогал… Вот такие предосторожности. Я – агент адвослужбы колонии Имллт, и в моей работе это со-

всем не лишне. Самое безобидное, чем я занимаюсь, – это контрабандисты, а ведь даже те порой постреливают!

Но вот мой палец, жмущий на кнопку, чувствует слабый укол – идентификация успешно пройдена. Теперь брелок нужно поднести к уху. Можно не торопиться – умное устройство подождёт, пока я это сделаю.

Я кладу брелок на ладонь, складываю её лодочкой и, натягивая цепочку, поднимаю руку к виску. Каким-то образом обнаружив в темноте моё ухо, брелок начинает вибрировать – его корпус, я думаю, сам является динамиком. И звук он создаёт направленный, словно луч тактического фонарика – это всегда меня поражало. Моё ухо слышит переданные слова чётко, но уже за границей ладони тяжёлую тишину сырого тёмного воздуха ничто не нарушает.

Сообщение, которое я получил, состояло всего из десяти слов. Это правило такое в нашей службе – избегать многословия. Брелок, при всех его достоинствах, не очень-то быстро передаёт информацию. Впрочем, мой шеф по прозвищу Сержант утверждает, что для чего-то на самом деле важного, того, что действительно стоит передавать через брелок, десяти слов хватит всегда. Я в своё время долго тренировался, сочиняя в уме сообщения на разные темы, но уложиться в десять слов для меня до сих пор – непростая задача. А Сержанту даже тренироваться не надо – он и в жизни так разговаривает…

Содержание сообщения я на две трети угадал заранее.

Срочно явиться в контору. Не срочного у нас ничего не бывает. И действует Сержант всегда с подготовленной базы, да и нас учит так делать. А то, что мы называем конторой, – наша центральная база и есть. Дальше, правда, была неожиданность – в контору я должен был прибыть, чтобы затем отправиться на Космодром. Оттуда пришёл вызов.

Я не случайно пишу «Космодром» с большой буквы: тому есть веские основания. Космодром – это не какой-нибудь автовокзал. В том смысле, что он не просто объект инфраструктуры, пусть даже очень большой. Космодром – действующее лицо. Наши предки, создавшие его в незапамятные времена, наделили своё детище искусственным интеллектом. Споры о том, можно ли считать его разумным по общечеловеческим критериям, не утихают последние лет сто. Но одно бесспорно – руководствуясь своим искусственным мышлением либо следуя заложенной предками программе, Космодром требует соблюдения определённых правил в той сфере, которую он призван контролировать. Он стоит на страже звёздных ворот планеты. Весь внешний грузооборот и редкие пассажирские перевозки идут только через его лётное поле. Лётное поле Космодрома – огромная бетонная площадка. С птичьего полёта оно выглядит как почти правильный восьмиугольник, вершины которого как раз вписались бы в десятикилометровый круг. Ни один из звёздных кораблей никогда не рискнёт садиться вне лётного поля и нарушать диктуемые Космодромом правила, ёмко и уважитель-

но именуемые Законом. Наказание неотвратимо и предельно понятно для всех: нарушитель не получит энергии на обратный рейс или готовой смеси для термоядерного конвертора, если таковой у него есть. В итоге корабль навсегда останется любопытным экспонатом для местных жителей.

Вообще-то, если рассуждать логически, при моей работе вызов на Космодром и последующий ритуал, называемый Аудиенцией, должны быть вещами вполне обыденными. По уставу адвослужба отвечает за взаимодействие колонии с окружающими мирами «на внеправительственном уровне». Проще говоря, обязанность нашей конторы – улаживать мелкие конфликты и недоразумения между жителями планеты Имллт и теми, кто живёт вне её. А это обитатели других планет Малого Кольца, нашего межзвёздного союза, и так называемые косможители, которые постоянно скитаются по нашему сектору галактики на звёздных кораблях. К косможителям также относят и население орбитальных городов. Все они – такие же люди, как и мы. Ну, или почти такие же. Больше на нашу помощь, к счастью, пока никто не претендует.

Расположена наша колония на самой окраине сообщества обитаемых миров. Развита она слабо, население небольшое. Но работы, тем не менее, хватает – нас, агентов адвослужбы, всего полтора десятка на сотни тысяч квадратных километров населённых территорий. Приходится много работать ногами, ещё больше – головой. А порой – кулаками и пистоле-

том. Причём никакого геройства. Одна сплошная рутина.

Можно задаться вопросом – раз окраинный мир, отчего же нет покоя? Меня это тоже всегда интересовало. Корабли к нам прилетают редко, на Космодроме я уж не припомню, когда в последний раз и был… Но вот вам, пожалуйста, – не одно, так другое. Всю прошлую неделю гонялись за контрабандистами. Только сменился – думал, отосплюсь. И транспорт свой в порядок приведу. Как бы не так! Ну что ж, приказ есть приказ…

Кстати, если вызов срочный, вставать нужно прямо сейчас, уважаемый агент! Эх… Ну всё, подъём. Я отбросил одеяло. Холодина-то какая!

В дальнем углу своего оперативного гаража я соорудил каморку и поставил там сколоченную наспех кровать. Это вроде как должно было создавать некое подобие уюта. Но только потом я понял, что уют тем и отличается от своего подобия, что, проснувшись поутру, ты чувствуешь себя приличным человеком, а не его подобием. Да и вообще, почему я сплю в гараже? Дом у меня есть… Чего-то во мне самом, наверное, нет.

Я одевался, безошибочно находя в темноте свои вещи. Это привычка с детства. Почему-то мне почти всегда приходилось одеваться в темноте. Когда я был маленький, мы с отцом спали в одной комнате. Он приводил свой баркас с ночного лова перед рассветом и спал до обеда. Утром, собираясь в школу, я никогда не включал свет, чтобы не разбудить его.

Потом, когда море отняло его у нас с мамой, мы переехали в Шнерс, на юго-западную окраину города Кодда, подальше от порта. Наш новый дом снаружи выглядел очень даже ничего, но внутри был изрядно запущен. И некому было приводить его в порядок. И опять я по утрам одевался в полной темноте – в моей комнате просто нечего было включать. Собираясь в школу, которая так и не стала для меня своей, в доме, к которому я так до конца и не привык, я почему-то даже радовался, что нет света. Это была какая-то тайная детская солидарность с безвозвратно утраченным прошлым.

А сейчас-то что? Да ну их, все эти мысли! Ничто не прогоняет их лучше ледяной воды из свёрнутого набок крана. Зеркало с отколотым уголком отражает только предрассветную ультрамариновую синь, лица своего разглядеть там не могу. Рядом слесарный верстак, на нём мощная лампа, но лень протянуть руку… Так и бреюсь впотьмах, наугад.

Нет, я ни на что в жизни не жалуюсь. Просто порой накатывает ощущение какой-то внутренней неустроенности души, причины которой сразу не объяснишь даже самому себе. И это не изгонишь включением света, хоть всей дюжины светильников под потолком гаража. А раз так, то нечего тешить себя светлыми иллюзиями и старательно делать вид, что всё у тебя хорошо.

Как минимум, в жизни всё должно быть гармонично. Вот наплечную потайную кобуру с пистолетом я надеваю одним заученным движением. И куртку свою рабочую хватаю со

спинки винтового стула не глядя – рука движется точно и безошибочно. Я считаю, что порядок – это когда вещи лежат так, что твои пальцы помнят, где они. Даже в темноте – глаза в этот момент свободны. Глаза могут посмотреть на наручный навигатор и по рубиновому сиянию цифр понять, что сборы от момента вызова заняли уже больше семи минут. Опять придётся гнать – не укладываюсь в установленный Сержантом для каждого из нас норматив.

Подумав, хватаю с держателя-зарядника боевой шлем, очень ценное в критических ситуациях устройство – вдруг пригодится сегодня… Потом захлопываю тайник, где обычно прячу шлем, не забыв на ощупь взвести замок. В темноте слышно, как шелестит, опускаясь на место, самоклеящаяся карта нашего сектора галактики, которая маскирует дверцу тайника. Я на неё наклеил полосы специальной военной липучки, которая легко отходит, если знать, как с ней обращаться. А если не знать, то и изо всех сил не отдерёшь. Это специально сделано – несведущий подумает, что карта тут наклеена намертво, причём давным-давно. А сведущий всё равно придёт с пространственным сканером и прошибёт стену импульсным зарядом.

Быстрым шагом хозяина, которому все предметы сами уступают дорогу, пересекаю тёмное пространство гаража, направляясь к своему джипу. Кидаю на сидение шлем и с ходу запрыгиваю в машину, уцепившись руками за стальные трубы дуг безопасности. Никак не починю у джипа откидной

верх. Но размышления о том, будет ли сегодня обещанный дождь, сейчас бессмысленны – вторую свою машину, крытую колымагу, чем-то похожую на перевёрнутую пластиковую мыльницу, я вчера разобрал да так до конца и не собрал.

Завожу мотор, ворота гаража с глухим ворчанием открываются, повинуясь команде с секретной кнопки на брелоке для ключей – эта автоматика у меня всегда работает как часы. Не включая фар, в темноте выруливаю в узкий каменистый проулок. Он так плотно обсажен кустами, что с улицы придорожного посёлка кажется, будто до гаража моего он не доходит. Поторопившись, я взял несколько ближе к обочине, чем надо. Ветви кустов тянутся к самому лицу, не облетевшая ещё листва волной шелестит по лобовому стеклу… Тем не менее, я ещё успеваю оглянуться, чтобы убедиться, что ворота гаража начали автоматически закрываться.

На малых оборотах мотор у джипа работает почти бесшумно. Тёмной тенью качусь по улице в тающих сумерках, только щебень под колёсами скрипит. Я люблю так делать – чтобы никто не знал, когда я уехал. А ещё лучше, чтобы никто не знал даже о том, что я здесь был.

Фары я включаю, только когда мой джип выбирается на Шоссе. Вот теперь можно гнать!

Для того чтобы понять, что такое гнать в моём понимании, надо знать, что представляет собой наше Шоссе. Его название недаром, как и Космодром, пишется с большой буквы. Это не просто дорога. «Ключевой объект инфраструкту-

ры» – так называют его наши учёные. Сверху оно действительно выглядит как шоссе, очень широкое и удивительно прямое. Длина его – тысяча километров с хвостиком, и на всю эту тысячу километров ни одного заметного на глаз поворота, ни одного существенного спуска или подъёма! Покрытие – само по себе техническое чудо. С виду похоже на бетон, но какой же это бетон, когда всю тысячу километров на нём – ни трещинки. На Шоссе не бывает луж, зимой на нём не держится снег, не образуется лёд. Вот грязь – да! Её наносят крестьянские грузовики с примыкающих к Шоссе окрестных просёлков. Но и та как-то сама собой рассасывается… Не помню, чтобы Шоссе кто-нибудь когда-нибудь чистил.

Любой мальчишка знает, что дорожное полотно Шоссе – это только его верхушка. Большая часть сооружения скрыта: в сечении оно напоминает гигантский клин, уходящий в землю на сотню метров. По сути, это тысячекилометровый монолит, брошенный на поверхность планеты, поперёк лесов и рек. Особенно заметно это на мостах. Их всего три – по пути от Ина́ркт, столицы нашей колонии, до океанского побережья Шоссе трижды пересекает реку Уара́ту. Именуются мосты без затей: Первый, Второй и Третий. В этих местах все, кому интересно, могут посмотреть, что прячет Шоссе в земле.

Что внутри этого исполинского творения инженеров древности, никто не знает – славные предки не оставили нам

чертежей. Функционирует оно само по себе и ничего от нас не требует, только отдаёт – обеспечивает энергией и водой придорожные городки и посёлки, например…

И вот, выбравшись на идеальную верхнюю грань этого великого древнего сооружения, серую монотонность которой нарушает только ярко-оранжевая флуоресцентная разметка для автопилотов тяжёлых грузовиков, я получаю возможность гнать – в самом прямом и прекрасном смысле этого слова. В такой ранний час ни встречных, ни попутных машин практически нет. А если бы и были – что мы, на стометровой бетонной полосе не разойдёмся? Я вдавливаю педаль акселератора в пол – и ветер начинает свистеть в грубо сваренной стальной раме над кабиной. Рулём работать практически не приходится, машина мчит всё быстрее, пока мощь рокочущего двигателя не уравновешивается хриплым гулом сопротивляющегося воздуха. Мне удалось достать для моего джипа хороший мотор. Кажется, что скорость достигает неимоверных значений, но на спидометре – всего сто пятьдесят… Попадёт мне от шефа.

Рассвет торопит меня – уже заметно светлеет. Шоссе идёт чуть выше окружающих полей, по которым плавает туман. И кажется, будто насыпь проложена прямо через облачное море. Только иногда из белёсых клубов тумана одинокими островками выступают верхушки деревьев или скопления крыш крестьянских хуторов. Над самим полотном Шоссе туман не задерживается, только перетекает иногда через него, как во-

да поверх плотины – и тогда вокруг фар на несколько мгновений вспыхивает ослепительное голубоватое гало.

Тем временем в моей голове сама собой разрешилась загадка приснившейся сегодня Чёрной Иглы. Мой пробудившийся мозг автоматически выдал ответ, на что было похоже привидевшееся мне мифическое оружие. Эта штука из моего сна действительно очень напоминала деталь от машины – от моей второй машины, с которой я вчера возился допоздна. Я всё пытался изобрести способ заставить её ездить хоть чуточку быстрее – ну и вынул из расположенного у неё под днищем пьезопривода вкладыш силового резонатора. И ступенчато-узорчатое чёрное копьё, в образе которого явилась мне во сне легендарная Чёрная Игла, до безобразия этот резонатор напоминало. Что ни говори, вид у него был просто космический – меня ещё удивило, что в таком примитивном по конструкции агрегате прячется такая сложная деталь. Я положил резонатор на верстак, под лампу, и пытался понять, как он устроен – так я надеялся найти способ его улучшить. Никаких идей в голову не пришло, и я попытался вставить резонатор на место… Да не тут-то было! Это заняло у меня весь вечер и значительную часть ночи. В результате к утру машина так и осталась собранной не до конца. Таким образом, отрицательная роль Чёрной Иглы в том, что сегодня я буду разъезжать на открытом джипе под обещанным по радио дождём, была неоспорима…

Впрочем, всё относительно. Я ведь не зря свою колымагу

принялся разбирать – на Шоссе она едва могла выжать сотню, да и то при попутном ветре. Если бы я рванул в контору по срочному вызову на ней, нагоняй от шефа за нерасторопность был бы куда более вероятен.

Вот по правую руку остался поворот на энергокомплекс Пха́та, до которого от Шоссе километров двадцать пять. В Пха́та расположен единственный на всю планету термоядерный конвертор. Говорят, на некоторых звёздных кораблях таких по два, а то и по четыре. А у нас на всю колонию – один. Вот такие мы развитые…

Впереди был мост через Уарату. Этот мост называли Третьим – в этом случае счёт всегда вёлся от столицы. Если точнее – от Космодрома. Ясным днём здесь дух захватывает – речная долина в этом месте широка и глубока, и опоры ажурных арок, кажущиеся издали подозрительно тонкими, уходят вниз, к воде, метров на триста пятьдесят, не меньше. Но сейчас вся долина Ураты была затоплена густым туманом, и мост лишь чуть-чуть приподнимался над его белёсыми волнами. Если не знать, какая здесь высота, – так и моста можно не заметить.

Восход солнца застал меня, когда я уже пересёк Третий мост. Прогноз погоды на сегодня, к сожалению, выглядел правдоподобным. Просветы на небе ещё были, но повсюду уже громоздились тучи. Вздымающаяся слева от меня гора Сундук, за которой пряталось поднимающееся солнце, пыталась прикинуться ещё одной тучей, сползшей с небес к са-

мой реке. Её угловатые контуры были такими же синими и расплывчатыми – она действительно напоминала огромное облако в форме сундука. Но солнечные лучи, позолотившие гору по краям, быстро раскрыли этот обман – стали видны отдельные сосны, обрамляющие плоскую как стол безлесную вершину.

Шоссе заканчивается просторной восьмиугольной площадкой. И с противоположного конца, через тысячу километров, такая же. Всё той же восьмиугольной формы, как и лётное поле Космодрома, между прочим… Площадки эти все называют стрелками. В детстве я спрашивал у отца – почему? И он объяснил, что в Инаркт, где стрелка Шоссе находится в черте города, от неё берёт начало проспект Странника, впоследствии переименованный в проспект Торжества Кондуктории, а также другие главные улицы. «Но почему стрелка?» – не унимался я, обескураженный непонятным для меня ответом. Было это в море, и мы сидели на корме отцовского баркаса. Отец достал компас и поднёс к волноводу работающего двигателя. Стрелочка компаса закрутилась во все стороны. «Начало всех путей, понимаешь?» – сказал мне отец. Я кивнул, потому что мне показалось, что я понял… Так это и осталось в моей подрастающей голове в разделе «Почти Понятные Вещи». С тех пор стараюсь не кивать, если не понял на самом деле.

Наша стрелка, что у Кодда, находится прямо в лесу, и сто-

рожат её выстроившиеся вокруг высокие сосны – это так, чтобы иллюзий не возникало, что у нас тут не дикий край. Разбегающиеся от стрелки во все стороны дороги разной ширины и степени разбитости (некоторые даже грунтовые) традиционно не имеют указателей. Кому надо – тот знает, куда сворачивать. А кто не знает – так и едет по прямой. Неширокая, но ухоженная дорога ведёт чужака, пока не кончается лес. А там, озадаченно глядя на обступившие дорогу путаные дворы одноэтажного Верхнего Кодда, он спускается к морю. И это уже Нижний Кодд – одноэтажные дома вдруг вырастают до многоэтажных, и путник попадает прямо во двор управления Общинной стражи. Стражники любят гостей – появляется возможность хоть чем-то заняться…

Перед стрелкой я придерживаю машину. Мне нужно не прямо, а чуть левее. Дорога тут заметно уже – не то что по прямой. Вроде бы, туда же ведёт, куда и главная, да не совсем. Сначала деревья смыкаются вокруг, почти соединяя над головой свои кроны. Но внезапно лес кончается. По левую руку открывается поросшая кустарником пустошь, а по правую громоздится полузаброшенный кирпичный заводик. Торможу и резко выворачиваю вправо – мой джип, разгоняя поредевший туман лучами фар, ныряет на едва заметную дорожку, зажатую между лесом и заводским забором. Это правильный маршрут для матёрого агента адвослужбы: я уже почти добрался до своей базы, а меня ещё ни одна жи-

вая душа не видела.

Вот лес справа отступает, и дорога сворачивает за ним, а мне нужно прямо – на поросший гигантскими сорняками пустырь, посреди которого маячит водонапорная башня. На пустырь ведёт просёлок, который легко проглядеть даже в двух шагах – просто две слегка наезженные колеи. Сейчас, в утреннем тумане, его вообще не видно, но, мысленно отсчитав нужное количество секунд после того, как кончился забор кирпичного завода, я безошибочно сворачиваю на неприметную дорожку, интуитивно выкручивая руль налево.

Высоченные стебли пустоцвета на пустыре ещё не успели высохнуть, только побурели. Они, кстати, легко перестаивают и зиму – ни снега, ни лютые сырые ветра их не берут. И даже к весне на них ещё сохраняются семена, готовые отправиться в полёт – белые звёздочки увядших соцветий, одевшиеся невесомым пухом. Осенью, перед дождём, пустоцвет особенно старается. Так что ехал я к своей базе через фантасмагорическую картину – лёгкий утренний ветерок, разгоняющий туман, устроил настоящую метель. С пустоцветом никакой метеокарты не надо.

На пустыре несколько заброшенных промышленных зданий. Но те два больших ангара, что рядом с водонапорной башней, только выглядят заброшенными. Так же как и почерневшая от времени, слегка покосившаяся труба у дальнего ангара, рядом с которым виднеется ещё какое-то невнят-

ное строение. Так же как возвышающаяся чуть в стороне мачта непонятного назначения, покачивающая на ветру обрывками проводов. Туда я и держу свой путь. Это моя база.

Сержант учил нас, что мимикрия – один из самых надёжных способов маскировки. Трудно убедить чужой глаз, что в том месте, где расположена база, ничего нет. Гораздо проще показать, будто то, что тут есть, совершенно не представляет интереса. Ну кому нужны стоящие посреди пустыря заброшенные ангары с дырами в крыше, к которым даже дороги нормальной нет? На самом деле, дорога есть, просто она почти незаметна, а дыры эти имитируются по специальной технологии. Вот такой непривычный для нашего мира подход.

Ничего удивительного в этом нет: наш шеф – бывший полковник спецслужб планеты Улл, одного из ведущих миров Малого Кольца. А Сержант – это всего лишь его рабочий позывной. Вот встретишь его на улице – и не скажешь, что полковник. Крепкий мужчина не слишком высокого роста. Лицо невыразительное, даже какое-то блёклое. Светлые волосы, чуть лысоват. Глаза кажутся бледно-голубыми, почти прозрачными. И только когда ты увидишь их совсем рядом… Когда в тренировочной схватке его покрытые светлыми волосками кулаки, совсем не угрожающего вида, но оказавшиеся вдруг каменными, скрутят твой ворот, мигом поймав тебя на удушающий захват, и ты захрипишь, таращась как речной краб… Вот тогда ты рассмотришь его глаза вблизи. И поймёшь, что не голубые они вовсе – они сталь-

ного цвета…

Чем дальше спускаешься на пустырь, тем плотнее заросли пустоцвета обступают дорожку. Там, в гуще сорняков, прячется замаскированный забор из колючей проволоки. Нормальные люди не станут сквозь колючие заросли ломиться, а от ненормальных не убудет…

Дорога огибает ангары слева, и вид её ничего хорошего впереди не обещает. Всё правильно: если поехать по ней дальше, то окажешься во вполне ожидаемом тупике у перекошенного забора, где и развернуться-то негде. А знающие люди у дальнего края ангара сворачивают направо, точно на стену кажущихся зарослей. Сорняков в этом месте нет, это иллюзия – её очень натурально создаёт установленный Сержантом специальный армейский прибор. Голографический мираж настолько правдоподобен, что и с пяти шагов не отличишь – даже колышется иллюзорная трава вместе с окружающими зарослями.

Проехав сквозь голограмму, оказываешься на бетонной дорожке. Через десяток метров она перекрыта автоматическим защитным барьером, который выдержит даже удар гусеничной бронемашины. Барьер опознает меня по брелоку специальной связи и быстро опускается – даже не притормозив, я выруливаю на широкую площадку перед ангаром, которая ни с одной точки окружающей местности не просматривается. А сам ангар оказывается замаскированным гаражом.

Подавив искушение бросить машину прямо на площадке, заруливаю в гараж. Хорош я буду у своего джипа с не поднимающейся крышей, когда хлынет дождь, который уже даже пустоцветы предсказывают… Десять секунд ничего не решат.

В гараже дремлют несколько машин. Их больше, чем я ожидал… Оказывается, не только меня сегодня вызвали в контору, и кто-то из ребят успел приехать раньше меня. Стараясь второпях никого не тюкнуть, я приткнул свой джип у дальней стенки ангара, рядом с шикарным монументальным лимузином, который у нас используется только по особым случаям.

Схватив из машины боевой шлем и едва не забыв выдернуть ключи, рысцой бросаюсь в оперативное здание (такое название дал ему Сержант). Две секунды – на темноту гаража, две секунды – на туманное пространство бетонированной площадки перед ним, потом мимо крашенных зелёной краской сараев, где хранятся разные полезные вещи, потом ещё одна площадка, значительно больше, на которой нарисованы полосы флюоресцентной разметки для посадки катера… А сам катер прячется как раз во втором ангаре, вон его хвост в приоткрытой двери виднеется.

Вот оно, оперативное здание: двухэтажное, длинное, покрашенное в неопределённый цвет – то ли серый, то ли голубой, который со временем стал почти серым. Со стороны оно, как и ангары, выглядит не очень – краска кое-где об-

лупилась, окна заложены кирпичом, крыша местами худая. Не поймёшь, что это – то ли запущенный склад, то ли заброшенный цех мелкой артели. На самом деле, это тоже всего лишь мимикрия. Окна там, где надо, есть, просто с улицы их не отличить от стены. И с крышей всё отлично.

Не давая себе перевести дух, я подскакиваю ко входу, к невзрачной железной двери, над которой нависает длинный козырёк на двух хлипких с виду подпорочках. Дверь приоткрывается раньше, чем я берусь за ручку – оперативный дежурный видит меня по наружным камерам и пытается помочь избежать нагоняя. Никак не могу вспомнить, кто сегодня дежурит, надо будет не забыть потом дружески постучать ему кулаком в плечо…

После входной двери, которую и бронемашиной не оторвёшь, сначала тамбур с зеркалами вместо окошек, потом коридорчик, тоже с зеркалами во всю стену. На внутренней стене зеркало, конечно, фальшивое – это толстенное бронестекло односторонней прозрачности. Оперативному дежурному ты прекрасно виден, а вот ты его не видишь и можешь только глупо улыбаться, махая рукой своему отражению в ярком голубоватом свете ламп, от которых даже днём глаза режет. Зато на наружной стене зеркало настоящее – это чтобы из дежурки видно было, не прячешь ли ты чего за спиной. А в конце коридора – опять железная дверь. Здесь всё сделано по особым стандартам безопасности, почти никому не знакомым на нашей полусонной планете.

После «бактерицидного» освещения входного коридора холл кажется полутёмным. Только на кухне, что за первой же распахнутой дверью по правую руку, горит яркий свет. Там, за столом, я с удивлением вижу двоих своих друзей-агентов. Оба из моей смены. Тот, что высокий и белобрысый, в обтрёпанной куртке, – это Ста́ки, бывший лейтенант-танкист. А второй, коренастый черноволосый крепыш в щегольской кожаной курточке, – это наш штатный ловелас Кра́сен. Если Ста́ки покоряет сердца девушек грубоватым армейским юмором и бесшабашной улыбкой, то Кра́сену достаточно лишь повести своими великолепными бровями – и за ним бежит целая стайка.

Красен не прост, не с каждым он готов откровенничать. Но вот со Стаки они всегда душа в душу. С ним Красен, наверное, даже лучше ладит, чем со мной. И это при том, что нас со Стаки Сержант уже давно определил в напарники.

Меня всегда удивляло, как легко Стаки и Красен, такие разные люди со столь разными судьбами, находят общий язык. Да к тому же Красен ещё и заметно старше нас со Стаки. Но, тем не менее, они даже мыслят одинаково. Вот вызвали их на службу, как и меня – я-то знал, что они сегодня тоже не должны были дежурить. И чуть свободная минутка выдалась после инструктажа – они, не сговариваясь, сразу на кухню, бутерброды себе делать…

А я спешу дальше. В глубине холла видна открытая дверь в комнату дежурной смены, она же – помещение для ин-

структажей. Поперёк холла на полу нарисована широкая жёлтая полоса. Это линия, за которую на базе нельзя заходить посторонним. Ни гости, ни задержанные не должны даже приближаться к ней, иначе сработает сирена. Стараясь не перейти с быстрого шага на бег, я пересекаю границу, машинально нащупывая на груди брелок специальной связи, одновременно являющийся ключом – как обычно, спохватился с опозданием…

В комнате дежурной смены, где обычно отсиживаются два-три агента, которым пока не дали никакой работы, сейчас полно народу. Но нервного оживления, как это обычно бывает перед важной операцией, не наблюдается. Напротив, стоит умиротворяющая тишина. Потому Стаки с Красеном и умудрились улизнуть на кухню…

Половину комнаты занимают кресла, расставленные в несколько рядов. Ребята сидят на них вразброс, так что точно оценить количество поднятых по тревоге затруднительно. Но на первый взгляд мне кажется, что вызвали всех… Успеваю заметить красавца Саста, идеально сложённого шатена, который досматривает сны, развалившись на кресле в углу. А на заднем ряду вижу яйцеобразную макушку тощего Уица – ого, даже нашего пилота выдернули!

Сержант сидит за своим столом, который поставлен лицом к залу, словно у преподавателя в университете. Справа от него, на почётном месте, высится тумба с восьмигранной пирамидкой информационного терминала, на который

нам напрямую поступают указания от Космодрома. Шеф нашей адвослужбы смотрит куда-то в сторону, разговаривая с Йе́цем, нашим молоденьким аналитиком. Йец, видимо, докладывает что-то важное – при этом он обычно смешно гримасничает, сам того не осознавая. Меня Сержант словно и не замечает.

Хотя нет: углядев у меня в руках боевой шлем, шеф, не поворачиваясь, чуть похлопывает ладонью по столу, давая знак положить его. А потом тычет пальцем вправо, на висящую над терминалом голограмму. Голограмма переливается синим и белым – привычными цветами Космодрома – и увенчана золотой восьмиконечной звездой с хитроумными вензелями, его официальной шифропечатью. Это, собственно, и есть вызов. Типовой голографический бланк, я множество раз такие видел… Только вот он был именной. Выписанный на меня!

Обычно так не делается: считается, что Космодрому всё равно, кто из агентов нашей службы официально доставит его сообщение правительству. Сам Космодром подключаться к колониальной правительственной сети почему-то брезгует… На самом деле, причины тому были очень вескими и глубокими, да только я тогда этого не понимал.

Да, в этот раз Космодром прислал именной вызов, ну надо же! К чему бы это? Я вопросительно глянул на Сержанта, но тот, казалось, был увлечён докладом Йеца. Парень, ероша свои жёсткие чёрные волосы, вовсю старался, по-

вествуя о расположении стационарных полицейских постов вдоль Шоссе в зоне между Первым и Вторым мостами и о не реализованных пока планах разместить батальон Гражданской гвардии в заброшенном военном городке Третьей Несокрушимой бронебригады, расформированной после случившегося четырнадцать лет назад мятежа. На не слишком-то крепких плечах нашего аналитика держалась кропотливая работа по сбору и обработке информации, необходимой для успешного проведения нашей командой специальных операций. Йец значительно уступал мне по комплекции, а если взять, к примеру, Красена, то в объёме его мощного тела могло и три таких аналитика поместиться. Но Сержант всегда говорил, что точная и своевременная информация – самое мощное оружие. Впрочем, и с оружием как таковым Йец, я слышал, тоже неплохо умел обращаться.

Поколебавшись ещё чуть-чуть, я понял, что перспектив дождаться какой-то реакции шефа у меня сейчас никаких. Тогда я, нахмурившись и сосредоточившись, снова перечитал свой первый в жизни именной вызов на Космодром. И что же я там увидел?! Оказывается, против обыкновения, в этот раз было назначено точное время для Аудиенции – мне предписывалось прибыть на место в час дня!

Я лихорадочно глянул на свой наручный навигатор. Был уже восьмой час утра! С учётом тех девятисот пятидесяти километров, что мне предстояло преодолеть… Сержант, слушая Йеца, казалось, вовсе не обращал на меня внимания,

но моё судорожное движение от него не ускользнуло.

– Ты долго возишься, – вполголоса сказал мне Сержант, по-прежнему не поворачивая головы.

Йец сразу умолк, подумав, что упрёк относится к нему.

– Утренний вызов был срочным, – поглядев на меня, напомнил Сержант.

Я с трудом выдержал тяжёлый взгляд его серо-голубых глаз.

– Бери лимузин, – распорядился шеф.

Как обычно, приказы Сержант отдавал почти без интонаций. Я мигом сообразил, что лимузин с его крейсерской скоростью по трассе двести в час – это для меня сейчас единственное спасение. Ну, если не считать катера в ангаре. Но эту металлическую птицу мне, конечно, никто не даст – я сам пока птица не такая уж важная…

Сержант опять повернулся к Йецу и сделал ему знак продолжать. Мне давали понять, что всё необходимое для исправления моей нерасторопности уже сделано и дальше я должен действовать сам.

Такой подход, как ни странно, работает безотказно. Оставшись без руководства и опеки, я обычно справляюсь с заданием много лучше. У Сержанта для каждого агента из нашей конторы – своя персональная воспитательная метода. Он прекрасно знает личные особенности каждого из своих людей. Ну, потому он и шеф…

Итак, голова моя наконец снова начала соображать. Я

ещё раз глянул на навигатор, ещё раз оценил запас времени, вспомнил про погоду, посмотрел, где там дежурный за бронированным стеклом – у него ключи от всех служебных машин…

Помещения базы так спланированы, что с поста оперативного дежурного через толстенные стёкла просматриваются входной коридор, холл, двери всех кабинетов и кухни, а также открывается шикарный вид внутрь комнаты инструктажей. Но самого дежурного видно только из этой комнаты, откуда в дежурку выходят два широких окна на задней стене; во всех остальных помещениях стёкла зеркальные, с односторонней прозрачностью. Сержант говорит, что оперативный дежурный – это дирижёр безопасности. А двусторонняя визуальная связь с комнатой для инструктажей ему оставлена для того, чтобы совсем уж от коллектива не отрывался…

Я обхожу кресла и делаю дежурному знак. За бронестеклом в это утро оказался Конми, парень из второй смены. Невысокого роста, плотненький, светленький. Чёлочка такая аккуратная, и мечтательная улыбка на пухлых губах. Но короткие пальцы и крепкие круглые ладони выдают большую физическую силу. Я с ним не очень-то знаком, я почти никого во второй смене толком не знаю. Но Конми мне нравится – у него есть удивительная способность помогать на секунду раньше, чем ты успеваешь об этом попросить.

Вот и сейчас я ещё только шагаю торопливо к нише с лот-

ком, при помощи которого можно что-то взять из дежурки или передать туда, не тратя времени на преодоление двух стальных дверей с кодовыми замками, а он уже держит в руке ключи от лимузина. Понятно, что он всё слышал и видел. Очевидно, что секунда в данном случае решающей роли не играет. Это просто жест, хорошо понятный тому, которому нужно поспеть к сроку за тысячу километров и кто долго возится по утрам при срочном вызове…

Теперь к выходу… На улице всё то же туманное утро, но небо, по которому рядами ползут тучи, уже заметно посветлело. Не сдержавшись, на площадке для посадки катера, посреди пустоцветной метели я опять перехожу на бег…

В гараже полумрак, но лимузин можно угадать в дальнем углу, даже не ожидая, пока глаза после улицы привыкнут. Роскошные и неимоверно сложные отражатели его выключенных фар шлют мне серебряные искорки – машина словно следит за мной. «Да, приятель, ты не ошибся – сегодня мы работаем вместе», – думаю я, торопливо подходя к лимузину. Не удержавшись, на ходу приветливо хлопаю его по обширному капоту…

Разговаривать с машинами – это у меня тоже от отца. У его мотобота было своё имя. И была своя душа – это я точно знаю. Как-то мы попали с отцом в шторм у самого устья Ураты… Нет, это я потом как-нибудь расскажу.

А ведь судьба могла сложиться так, что тот мотобот с годами стал бы моим. Может быть… Но всё вышло как вышло

– когда отец погиб, я таких вещей ещё не понимал. А теперь жалеть об этом как-то уже не получается. Но я уверен, что там, где Великая мать приютила душу моего отца, с ним и его верное маленькое судёнышко, на котором он ушёл в свой последний лов. Там, за Вечным Мостом, обшарпанные борта да постукивающий мотор ни к чему, но для маленькой души предмета, который официально считается неодушевлённым, местечко всегда найдётся, я думаю…

Усесться в наш конторский лимузин после простенького джипа с поднимающимся верхом и приборной панелью, выдержанной в минималистском стиле, – это как познать одним махом всё многообразие бытия. Тут воздух даже после длительной стоянки кондиционирован. Ты ещё не тронулся, а кресло уже меняет свою форму, чтобы именно тебе было удобнее, растекается по торпеде великолепие контрольной голограммы… Конечно, я понимаю, что такая мощная навигационная система автомобилю попросту не нужна. Так же как индикаторы давления и температуры воздуха, сцепления с дорогой, диаграмма метеопрогноза… Но как же классно всё это сделано!

«Ну, Крылатый, ты, как всегда, выше всех похвал», – невольно думаю я и развожу руками. А потом гляжу, как руль сам поворачивается – это автопилот начинает выводить лимузин из заставленного машинами гаража. Я очень тороплюсь, но не вмешиваюсь, так как по опыту знаю, что автомат сделает это быстрее.

Крылатый – имя, которое я дал лимузину. И это строго между нами. Да, он угловат. Но его тяжёлые контуры так искусно смещены, скошены – они просто диктуют неудержимое стремление вперёд. И крылышки стильной антенны на закруглённой крышке багажника выдают его главную тайну – мечту о полёте. Он, как и я, мечтает летать – так мне кажется. И пусть крылышки эти всего с ладонь размером – всё равно он у меня Крылатый. Ибо мечта не измеряется в сантиметрах!

Проскочив защитный барьер и маскировочную голограмму, мы выкатываемся на секретную дорожку через пустырь. Я чувствую, что грунтовка, извивающаяся среди высоченных сорняков и куч промышленного мусора, вызывает у машины просто-таки брезгливые ощущения. И конечно, на навигационной голограмме все дорожные параметры окрашиваются в красно-фиолетовые тона. «Ничего, брат, мы с тобой на работе», – успокаиваю я своего неодушевлённого партнёра по сегодняшней операции, похлопываю его по рулю: «Потерпи, до нормальной дороги, до твоей стихии, тут недалеко…»

Грунтовка с пустыря выскакивает на неширокую дорогу, по которой я сюда приехал. Так, здесь налево. К стрелке Шоссе я решил вернуться другим путём: в эту сторону дорога не такая разбитая. Машина сразу побежала быстрее. Справа лес, где ещё клубится туман, а слева всё тянется пустырь, где прячется база адвослужбы. Через километр пустырь сме-

няется редкими дворами. В окнах, хотя утренняя заря давно погасла, кое-где ещё горит свет. А вот и основная дорога, ведущая из города к стрелке Шоссе!

Бесшумно, давая мне оценить великолепную работу хитроумной автоматической подвески, лимузин выбирается на чуть приподнятое полотно главной дороги, одновременно вписываясь в крутой правый поворот – почти под прямым углом. Даже не покачнулся!

Ну вот, теперь нам только вперёд… почти целую тысячу километров! Космодром прямо по курсу! Дорога из города совершенно пуста. Управляя вручную, я повожу рулём, выбирая участки поровнее, и капот лимузина немного водит из стороны в сторону – автопилот словно заранее нащупывает далёкую цель. «Тянуть в гору» – это выражение не для нас с Крылатым! Пользуясь избытком мощности двигателя, мы просто взлетаем вверх по склону.

Стрелка, восьмиугольная площадь, откуда начинаются все основные дороги портового Кодда, мелькает под нами и исчезает за спиной. Змеясь, отходят от обочины и ложатся под машину флюоресцентные полосы разметки, сделанной для автопилотов грузовиков. Вот полетела под капот нарисованная углом «зебра». Углы излома широких сияющих линий направлены вперёд, вдаль… Полоса разгона!

Автопилот даёт едва заметное усилие на руль. Это Крылатый стремится занять среднюю полосу. На пустой дороге – оптимальное решение. Я позволяю ему. А потом вдавли-

ваю в пол педаль газа. Скорость растёт. Вот уже расчётные двести…

Через несколько минут, не доезжая до расположенного за городом питомника племенного скота, обгоняем идущий по правой полосе большой бело-зелёный автобус общины Медников, везущий в Пхата очередную смену энергетиков на термоядерный комплекс и смену врачей в медицинский центр. До поворота на Пхата, что за мостом, по ту сторону Уараты, автобус доберётся только минут через сорок. И пока его полусонные пассажиры, которых мы оставили где-то далеко позади, размышляют, кого это из начальства понесло в столицу с утра пораньше, мы с Крылатым уже выходим на Третий мост.

Ветерок с Наветренных гор за прошедший час успел продуть долину Уараты от тумана, и теперь с высоты моста она видна во всей красе. И гора Сундук справа уже не притворяется облаком – темнеет своим персональным сосновым лесом, привычно доминируя над окружающей местностью. Погоду ясной не назовёшь, небо полно тяжёлых синих туч. Но даже белоснежные купола энергокомплекса за двадцать пять километров хорошо различимы, не то что две его двухсотметровые трубы…

Красотища! Вот он, мой мир! И вот он – я в нём! Что у меня есть? Послушный руль да мощный мотор. И бесконечная полоса бетона стометровой ширины под колёсами – что ещё нужно? Навигационная голограмма лимузина переливается

важной информацией, словно приборная панель боевого катера. Несутся мимо перелески, уже окрашенные осенью в жёлтые и оранжевые тона, мелькают поросшие кустарником овражки. Лента Шоссе, неправдоподобно прямая для этого мира, не имеющего резких граней и острых углов, с идеальной точностью прорезает пространство до самого горизонта. И по ней несёмся мы с Крылатым, сверкая шикарными декоративными колпаками колёс. Я тороплюсь исполнить роль посредника между самим Космосом и правительством колонии… Я… Я…

Я одёргиваю себя – что-то уж больно развеселился, как мальчишка. Ну да, мальчишка и есть – послали Космонавта на Космодром, чего же ожидать? Но умом-то я понимаю, что мальчишку на Космодром Сержант одного бы не послал. Да, кстати, и почему подняли ребят из моей смены по тревоге, а мне так и не рассказали ничего? Странно… Чтобы справиться с собой и прийти в рабочее состояние, опять запускаю самопроверку…

Место действия…

Всё там же. Планета Имллт, внешний сектор колоний Малого кольца.

Континент – Первая Земля, юго-западное побережье; Шоссе Инаркт – Кодд. Двигаясь от побережья, только что проехал посёлок на семьдесят пятом километре, где сегодня на рассвете я был разбужен в своём оперативном гараже

срочным вызовом на базу.

Время…

9-е Примирения, второй месяц осени, 8:26 утра. Четыре с половиной часа и четыре минуты до начала Аудиенции у Космодрома, на которую лучше не опаздывать. Если удастся поддерживать текущую скорость, то успеваю с запасом в несколько минут. Расчёт простой. Тысяча километров Шоссе, Космодром расположен на пятидесятом километре от столицы, от Инаркт. А я уже с другого конца, от Кодда, семьдесят пять километров отмахал. Нет, даже восемьдесят. Скорость двести. Делим, получаем результат – как раз ещё останется время по Главному залу до зала Аудиенций неспешным шагом пройтись. Спасибо Сержанту, дал лимузин. А то что бы я делал – ума не приложу…

Оружие…

Пистолет в кобуре. Два запасных магазина в кармане куртки. Лимузин считать за специальное снаряжение? Ну ладно, этот вопрос оставим…

Связь…

Рация в кармане. Только после Третьего моста от неё толку уже никакого – до базы не добивает. Ну, и брелок специальной связи на цепочке, болтается на груди под рубашкой. Этот работает в пределах всей планеты.

Состояние…

Всё-таки я сегодня не выспался. Но сна ни в одном глазу: нервы взвинчены необычным заданием. Ещё бы – мой первый персональный вызов на Космодром! Да ещё с такими жёсткими сроками прибытия!

Хотя, с другой стороны, что в этом задании такого? Разве оно приближает меня к решению хотя бы одной из трёх великих задач всякого настоящего агента? Ну доставлю я правительству колонии, называемому у нас правительством Кондуктории, и лично Председателю его Басу́те очередные нотации по линии межзвёздного содружества Малого Кольца. И что? Они будут только морщиться, даже спасибо не скажут.

А легендарная Чёрная Игла так и останется ненайденной (хотя не все уверены в том, что она вообще есть). Тайно орудующий на нашей планете резидент враждебных сил не будет пойман (тут уж почти все уверены, что он есть, даже сам Сержант). И, как все последние тысячу триста шестьдесят четыре года, Мир Праматери, который, согласно альбому рекомендованных словоформ, иногда называют Землёй, так и не будет открыт заново, так и останется пока в области легенд. А ведь легенды твердят, что это именно Мир Праматери породил в незапамятные времена все человеческие колонии, но закрытие Вечного Моста прервало связь с ним. Что же может быть важнее, чем искать корни собственной цивилизации? Вот чем нужно заниматься, подлинно великими

делами!

Да что там – и Космодром нашей колонии останется пуст. Вопрос о том, как вытащить нашу колонию из рецессии и прогрессирующего падения внешнего товарооборота, так и останется вопросом. Хотя это скорее задача министров правительства Кондуктории, а не нашего, оперативного крыла адвослужбы. И даже не так называемого «белого» крыла нашей же службы, которое больше занимается таможней и контрактами по межпланетной торговле. Мы лишь помогаем экономике колонии по мере сил – контрабандистов, например, прореживаем…

Стоп! Сержант учил думать кратко, а у меня просто поток мыслей какой-то…

Внешний вид…

Внешний вид нормальный, рабочий. Куртка ещё не сильно поношена. Бежевые брюки только недавно в порядок приводил. Хорошие ботинки. Чистая рубашка. Причёска на месте – чтобы убедиться в этом, машинально ерошу волосы…

Сойдёт для Аудиенции. Не к девушке собрался.

План действий…

Какой у меня план? А разве может быть у меня сейчас свой собственный план? На ближайшие несколько часов для меня всё предопределено, так сказать, свыше…

Да, самопроверка действительно помогает. Я уже сижу спокойно, не ёрзаю в водительском кресле. Сосредоточенно смотрю вперёд. И думаю, прокручиваю в голове всё, что помню о своих предыдущих Аудиенциях. И вообще обо всех случаях, когда я бывал на Космодроме. Мне есть что вспомнить.

Ну, например, про свой первый выход на лётное поле Космодрома. И про Жёлтую Полосу, очерчивающую его лётное поле по периметру. Это формальная граница нашего мира. Её нельзя пересекать просто так – запрещает межзвёздный Закон, а для непонятливых есть силовые поля. И попасть за неё, за эту нарисованную границу, у простого жителя колонии очень мало шансов. И у непростого – тоже.

Даже моя профессиональная карточка агента адвослужбы доступа на лётное поле не даёт. Вплавленный в неё белый прозрачный кристалл с какой-то там нейроструктурированной электроникой внутри обеспечивает мне множество преимуществ перед обычными гражданами, но не даёт права являться на Космодром без его вызова. Выход на лётное поле – только с сопровождающим. Нет, приехать на Космодром я, конечно, могу – например, к Юго-Восточному порталу, где расположена Главная Резиденция. Могу побродить по её циклопическим зданиям. Но, что бы я ни делал, ни один информационный терминал мне не отзовётся, за исключением публичного инфора для пассажиров. Пассажиропотока сейчас практически нет, так что я смогу в огромном пустом зале

с высоченным сводчатым потолком подойти к серебристой пирамидке инфора, смонтированной на монолитной тумбе из чёрного камня, и вообразить себе, что я на Аудиенции. Заплатив монетку, с инфора можно посмотреть межпланетные новости или отправить письмо в другой мир, если есть кому…

Я с детства мечтал о космосе и звёздных кораблях. И этим частично объясняется моё прозвище – Космонавт. Этим же, наверное, объясняется и моя работа. Я, кстати, не выбирал её – в юности я даже не знал, что в нашем отсталом мире такая вообще бывает. А потом в какой-то момент эта работа сама выбрала меня… Как это получилось – рассказывать долго, но как-нибудь обязательно расскажу.

Агент адвослужбы, особенно её оперативного крыла – профессия трудная, временами опасная. Да, я стал ближе к космосу. Настолько ближе, насколько это вообще возможно для планетянина, наверное. Планетянин, в отличие от косможителя – это тот, у кого все корни «приземлённые». И мозги, и менталитет… Так вот, и космос у меня планетянский получился – посмотришь на Космодром краем глаза, а потом – давай ловить контрабандистов по лесам и заброшенным посёлкам да копаться в разном грязном белье угасающей цивилизации. С этой точки зрения в моём прозвище можно усмотреть немалую долю иронии. Ну что за Космонавт, который ни разу в жизни выше пяти километров в небо не поднимался, да и то в кресле пассажира?

Но я не жалуюсь. И не обижаюсь на эту иронию. Главное, что через полтора часа я по Второму мосту вновь пересеку реку Уарату, что петляет вдоль Шоссе. Потом, ещё через пару часов, торжественно проследую через величественный Первый мост, чьи фермы, изящно изгибаясь, вздымаются в небеса метров на двести. За мостом будет сложная развязка, построенная с расчётом на всё никак не возникающий значительный межпланетный грузопоток. Это сплетение проходящих на разных уровнях кольцевых эстакад в просторечии у нас именуется Кругом. И вот я съеду с Круга и подкачу к Главной Резиденции, оставлю машину на гигантской стоянке, совершенно пустой на данном этапе экономического развития колонии Имллт… И пойду на Аудиенцию к своей мечте. Раз у меня белый кристалл – значит, приглашён, а не сам напрашиваюсь. Раз приглашён, значит, зачем-то нужен, могу пригодиться…

О Великая Мать, сколько раз я потом вспоминал эти свои приятные и пафосные размышления! Не с обидой, нет. Я снова мечтал вот так же искренне и наивно думать о том же самом – о космосе, о Космодроме, об Аудиенции… Но уже не получалось… В то утро такая возможность была дарована мне судьбой в последний раз. Оказалось, что осталось мне только доехать, поставить машину перед Главной Резиденцией, пройтись под высокими сводами её центрального зала до зала Аудиенций, куда допускают только тех, кому должно… Осталось достать свою профессиональную карту, вста-

вить её в приёмник и усесться в высокое чёрное кресло… И кончится моя сказка! Увы…

Первый мост

Мосты на Шоссе, объединяющем все основные обжитые районы нашего мира, в нашей культурной традиции принято аллегорически сопоставлять с этапами жизни человека. Первый мост – это первый самостоятельный шаг в неведомое. Первый поступок, первое проявление мужества и умения отстоять себя, свою мечту, вопреки опасности и обстоятельствам… Он навсегда запоминается цветной картинкой, этот миг в жизни – если, конечно, не свернёшь при том шею…

Кдалл, бродячий философ с планеты Имллт, «Дневник, который я никому не покажу», св. I, стр. 55

Я стою, широко раскрыв глаза и раскинув руки. Вокруг только небо. Коленки слегка дрожат – под ногами лишь полутораметровая полоска бетона. Спереди и сзади она плавной дугой убегает вниз, очерчивая вершину исполинской фермы Первого моста… А справа и слева от меня, чуть более чем в полушаге – пропасть. Почти бесконечная пропасть.

Слева бездна, заполненная прозрачным воздухом. Где-то далеко внизу, на дне её, словно змея под толстым стеклом, сверкает размашистая лента реки Уараты. Пропасть справа заполнена переплетениями конструкций противоположной фермы моста. На пару с той фермой, на которой я стою, она

переносит через речную пойму монолитную каменную жилу Шоссе, верхняя грань которой с проезжей частью имеет стометровую ширину.

Пару раз я решился глянуть вниз – с такой высоты Шоссе казалось серой тропинкой, по которой изредка проползали крупные разноцветные жуки автомашин. Странно, но при взгляде сверху мост почти не закрывал обзора – я видел, как пенилась Уарата, стеснённая узостью стремнины, видел золотистое дно на отмелях, жёлтые мазки глинистых берегов с ярко-зелёными пятнами кустарника, ровные волны серебристо-зелёных пойменных лугов. Помню, меня поразило, что блистающая под солнцем поверхность реки была неровной: видно было, как переплетаются, громоздясь друг на друга, струи речных потоков. Пустота и пространство затягивали, манили… Испугавшись, что закружится голова, я поднял взгляд.

Передо мной, почти у самых ног, погружённая в утреннюю дымку, лежала правобережная равнина, заполненная по краям перелесками и аккуратными квадратиками полей. Но только по краям! Всю центральную часть равнины занимало гигантское бетонное пятно – лётное поле Космодрома. Оно только казалось округлым – я к тому времени уже знал, что Космодром сверху выглядит как правильный восьмиугольник.

Отсюда, с высоты ферм Первого моста, лётное поле было как на ладони – Южный портал находился всего в несколь-

ких километрах. Виднелись стоявшие на Космодроме звёздные корабли. Правда, деталей сквозь толщу подрагивающего, нагретого солнцем воздуха было не различить…

Такая же равнина, только более холмистая, что оставалась у меня за спиной, на левом берегу, совсем меня не интересовала. Потому что там не было Космодрома. Космодром на всю планету один-единственный. И тысячекилометровое Шоссе, соединявшее оба крупных города нашей планеты – столицу Инаркт и расположившийся на берегу далёкого океана мой родной Кодд, – тоже одно-единственное. В тот момент я был уже достаточно взрослым, чтобы осознавать, что Имллт – мир, где я родился и вырос – это заштатная окраинная колония. И потому все крупные, заметные вещи присутствовали в нём в единственном экземпляре. Даже термоядерная станция, снабжавшая энергией всю планету, весь транспорт и всю промышленность, и та была одна-единственная. С единственным реактором притом.

Я любил свой мир и никогда не смотрел на Космодром как на дверцу, ведущую на волю из клетки. Но все мои мечты и все тайные планы, которые я скрывал даже от самого себя, были связаны с ним.

Всё детство я задирал к небу голову, провожая взглядом идущие на посадку звёздные корабли. И не пропустил, кажется, ни одного. Представьте: закат, низко висящее над океаном солнце, лежат на берегу облупившиеся лодки, приподняв кверху винты слабеньких моторов, а в небе тянет за со-

бой инверсионный след нечто громадное и сверкающее. Корабль пролетал над бухтой, над узкими кривыми улочками моего родного Кодда, над его островерхими черепичными крышами, в полном безмолвии. И только когда сияющая дуга подсвеченного солнцем следа почти упиралась в гаснущий противоположный край горизонта, доносился глухой раскатистый рёв. И каждый раз моя душа уносилась вдогонку за кораблём. Я мысленно летел рядом с ним, прячась за дымкой инверсионного следа, вдоль петляющей реки Уараты, вдоль ровной ниточки Шоссе. Постепенно снижаясь, мы приближались к Космодрому. Пятьсот километров, триста, двести… И вот – посадка. Я всегда пытался представить, какие существа выйдут из корабля, какие грузы из него выгрузят. Спросить об этом было не у кого, и я фантазировал…

В двенадцать лет община отправила меня в столицу, в Инаркт, учиться в ремесленном училище. Космодром стал ближе на девятьсот километров – а что толку…

Прожив год вдали от родного дома, почти за тысячу километров от мамы, я считал себя уже абсолютно взрослым человеком. И был уверен, что наступило время осуществлять свои мечты. Когда кто-то из мальчишек-второкурсников рассказал мне по секрету, что с верхней точки фермы Первого моста, высоко поднимающейся над долиной реки Уараты, видно лётное поле Космодрома со звёздными кораблями, я сразу понял, что должен забраться туда. Для меня не

могло быть другого решения!

С полгода я со своим закадычным училищным дружком Фе́ру втайне готовил экспедицию. Надо признать, что мы с ним тогда проделали большую работу. Научились обращаться с верёвками и горным снаряжением, которое позаимствовали в университетском экспедиционном отделе. Тренировались на заброшенном заводе на южной окраине города. Стащили на пустующем морском факультете ручной линемёт… Летние каникулы и первый отпуск домой не прервали подготовку, а, напротив, ускорили её. Выданные мамой деньги на «вкусненькое» и на дополнительную одежду помимо казённой училищной формяги я, не задумываясь, пустил на закупку троса и разных специальных железяк для лазания. Да, я купил на фабричном складе общины Рыбаков почти две сотни метров отличного троса – лёгкого, тонкого и с большим запасом прочности. В чём-чём, а в таких вещах я разбирался – успел научиться у отца. Тем не менее, рюкзак с тросом получился очень тяжёлым. Окажись трос потолще, мы с Фе́ру его вообще не утащили бы.

Операцию назначили на первые же после каникул выходные – нужно было успеть всё провернуть, пока трос и прочее снаряжение, спрятанное у нас в комнате под койками, не обнаружил воспитатель или комендант общежития.

Рюкзак с тросом мы с Феру тащили по очереди. Из другого рюкзака, тоже довольно увесистого, торчал приклад ли-

немёта, а на дне его тяжело звякали карабины и захваты.

К Космодрому мы оба выбрались впервые. Так всегда бывает: посетить то, что почти под боком, вечно не находится времени…

Когда автобус, натужно гудя, начал разгоняться, прежде чем взобраться на эстакаду, проходящую над развязками у Круга, мы буквально прилипли к окнам. Как только пробежал мимо небольшой лесок, затесавшийся на краю прилегающей к Космодрому промзоны, нашим взглядам открылся контейнерный терминал у Восточного портала. Разноцветные транспортные контейнеры, стоявшие плотными рядами в несколько этажей, сливались в бескрайнее пёстрое море. Казалось, мчащийся во всю прыть автобус замер на месте – и так продолжалось несколько минут. Я тогда ещё не был искушён в вопросах межпланетной экономики и не знал, что так выглядит вблизи дефицит торгового баланса. Годами, если не десятилетиями, на Имллт ввозилось куда больше всякой всячины, чем вывозилось отсюда – вот и скопились несметные количества оборотных гермоконтейнеров, безнадёжно ожидающих своих грузов. Год за годом, под дождём и под снегом… Ничего не поделаешь, пустыми тащить их обратно через космос было слишком дорого. Это был портрет затяжного экономического упадка… А следом за экономическим упадком всегда приходит война – как смертоносная болезнь к ослабленному организму. Но тогда я всего этого ещё не понимал…

Постепенно из-за бесчисленных рядов контейнеров показалась вполне различимая граница – это Шоссе приближалось к краю Космодрома. Но, к нашему разочарованию, самого лётного поля из автобуса было не рассмотреть. Не был виден даже десятиметровой высоты забор, опоясывающий весь Космодром.

Внезапно ряды контейнеров оборвались – автобус выскочил на эстакаду, внизу открылось пространство Круга. Хитросплетения транспортной развязки и высокие изящные здания Юго-Восточного портала, имевшего величественный статус Главной Резиденции, поразили наше воображение, но предаваться впечатлениям нам было некогда – настал момент выходить. Перебравшись через Круг, автобус стал тормозить прямо на верхотуре, на насыпи – остановка располагалась над пешеходным тоннелем, ведущим к расположенному по ту сторону Шоссе заброшенному посёлку, который взрослые называли Пятидесятка.

Пятидесятка – значит, пятидесятый километр по Шоссе. Это если от Инаркт. В Инаркт всегда так меряют – от столичной стрелки. Правда, мосты, где Шоссе пересекает Уарату, вовсе не от столицы считают, а от Космодрома. А у нас, в Кодде – наоборот: точкой отсчёта полагают нашу стрелку Шоссе, торжественно именуемую Океанской. И, по правде сказать, с нашей стороны Шоссе тоже имеется посёлок с аналогичным названием. Только наша Пятидесятка – глухомань, крошечная придорожная деревенька. А эта была при-

звана стать гордостью колонии – не просто ближайшим к Космодрому населённым пунктом, а ещё и визитной карточкой, символом всяческих успехов.

Правительство постоянно держало Пятидесятку ухоженной. Ровные ряды домиков и садики при них действительно выглядели ну просто как на картинке. И поэтому было особенно обидно, что в Пятидесятке никто не жил постоянно. Даже таможенников там было не удержать – они предпочитали ездить на работу на автобусе из города. Не было там даже собак. Единственные, кто порой останавливался ненадолго, – водители тяжёлых грузовиков из Кодда. Для них были выделены специальные служебные квартиры, а машины свои они оставляли на Кругу, зная, что там их никто не тронет.

Я часто пытался выяснить, почему люди не любили это место. Ясное дело, в связи со слабым грузопотоком на Космодроме было мало постоянной работы. Но селились же люди там, где ничего вообще не было! Вдоль всего Шоссе были специально предусмотрены для этого особые места – сделаны съезды, подходящие площадки размечены, подведены волноводы, вода… Через каждые десять километров можно было строить посёлки – по обе стороны Шоссе. И во многих местах построили. И жили. Некоторые из них разрастались, некоторые увядали – но это нормально, наверное. И только Пятидесятка у Космодрома всё время выглядела какой-то искусственной.

И сколько с ней бились! Правительство принимало ка-

кие-то программы… Но всё заканчивалось только очередным ремонтом домиков по весне. К зиме же опять вечерами ни одного огонька в домах Пятидесятки не светилось.

А правда состояла в том, что люди в массе своей вовсе не стремились в космос, а может, даже и побаивались его. Их мировоззрение ограничивалось рамками жизни своей общины, а голова вмещала только повседневные проблемы, да и те не все сразу… Они жили планетой. Они так и называли себя – планетяне. Космодром с его фантастическими мирами, астрономическими расстояниями и астрономическими же ценами на перевозки с точки зрения таких людей выглядел, вероятно, как что-то ненужное, бесцельное.

Но я всегда думал, что дело в другом. Наверняка какая-то нотка, какая-то тайная мысль о других планетах, о сказочных мирах всё-таки должна была жить у каждого в душе. И со временем, в рутине повседневной жизни, она трансформировалась в некое подобие подсознательного чувства вины. Вины перед этими мирами, где уже никогда не побывать, перед делами, которые уже нипочём не провернуть… А такой груз на душе никому не нужен. И уходящие с Космодрома ввысь громадины звёздных кораблей только раздражали бы занятых бытовыми проблемами людей, едва улучивших минутку, чтобы полить свой палисадник… Вот и пустовала Пятидесятка.

От остановки автобуса до того места, где начинался Пер-

вый мост, было километра три. Пока мы шли, волоча тяжёлые рюкзаки со снаряжением, нас никто не остановил, не окликнул. Просто некому было. Теоретически мы находились в транспортном центре нашей планеты, но на километры вокруг кроме нас не было ни одной живой души. Такова была реальность.

Впрочем, у каждого из порталов Космодрома всегда можно найти людей, которых называют Песчаными. Это особый народ – охрана Космодрома. Космодром настолько грандиозен, что ему проще решать свои проблемы именно так: нужна охрана – проще создать целый народ. Люди самые обычные, а Песчаными их назвали за униформу жёлтого цвета. Это символизировало близость к Жёлтой Полосе – официальной линии границы, очерчивающей лётное поле по периметру. И за этот периметр Песчаные выходили очень редко. Говорили – один-два раза в жизни…

Жёлтая Полоса – это граница, а не просто условная линия. Самая настоящая официальная граница нашего мира. Лётное поле за Жёлтой Полосой территорией колонии уже не считалось. Там был чужой мир, и туда не пускали посторонних. Это в университетские лаборатории, где все старательно изображали занятия наукой, нас водили на экскурсии. На Космодром никто никого на экскурсии не водил – там всё настоящее и нет места для праздношатающихся. Этот мир был закрыт для планетян. Но как раз на него-то мы с другом и собрались взглянуть!

Ферма Первого моста начиналась обескураживающе – просто сбоку от дорожного полотна Шоссе прямо в небо уходила вертикальная бетонная стена. Противоположная ферма на другой стороне Шоссе казалась изящной и даже ажурной. Вблизи же это был сплошной толстенный бетон. Серый, гладкий, без малейших выщербинок и трещинок. Мы прошли немного дальше. Наконец и с нашей стороны показался проём. Он тоже был исполинским – до следующей вертикальной балки не добросишь и камнем. Мы с другом задрали головы – верхняя балка фермы была высоко, ох как высоко…

Но парни из ремесленного училища просто так не отступают. Ни слова не говоря, мы разобрали своё снаряжение. Лазерный дальномер линемёта показал высоту двадцать с лишним метров. Чтобы прицелиться, пришлось выйти почти на середину Шоссе. Стрелял мой друг, а я смотрел за машинами. Выстрел оказался точен – линь с грузом перелетел через верхнюю балку и запрыгал в проёме фермы – в пустоте, на фоне утренних небес. Линя едва хватило, чтобы спустить грузик с другой стороны. И ловить груз с линём оказалось занятием не для слабонервных – он раскачивался на ветру и мелькал где-то среди бликов искрящейся далеко внизу Уараты. Никаких перил или заборчиков на сооружениях древних предусмотрено не было, и мы, стоя на самом краю, пытались по очереди ухватить конец линя, держась за руку

товарища. Один ловил, а второй стоял, крепко расставив ноги, и специально не смотрел вниз, чтобы голова не закружилась у обоих сразу. В итоге нам всё удалось. С помощью линя мы перетянули через ферму трос и закрепили его, стянув захватами у основания вертикальной балки. Можно было лезть… И мы сделали это не мешкая, боясь дать хоть малейшую слабину. Потом уже не решишься – страхотища-то какая…

Наверху мы оказались удивительно быстро. Наверное, тоже со страху. Я потом, как ни старался, так и не смог вспомнить, как мы поднимались по тросу на двадцатиметровую высоту. После тренировок на заброшенном заводе руки на захвате-рычаге работали как заведённые…

Взобравшись и отдышавшись, мы увидели потрясающую картину. Ферма, плавно уходя ввысь, прорезала небо, словно раскалывая его пополам. У основания верхняя грань этой гигантской бетонной арки была шириной несколько метров и шла под пологим наклоном. Однако с каждой сотней метров подъём становился всё круче, а дорожка, ведущая нас в небо, – всё уже.

Друг мой, шагавший впереди, двигался всё медленнее. Когда ширина верхней грани фермы стала менее двух шагов, Феру остановился. Далеко впереди полоска бетона, на которой мы стояли, казалась узкой, словно нож, а вершина фермы была даже ещё не видна, терялась где-то в слепящем зе-

ните. Феру оглянулся, и по его глазам я понял всё.

Вокруг нас было безопорное пространство – мы поднялись метров на семьдесят, и совершать лишние движения было страшновато. Я осторожно приблизился к другу и положил ему руку на плечо.

– Давай я пойду первым.

Чтобы разминуться на узкой бетонной грани, нам пришлось обняться. Оказавшись у начала тропинки, круто уходящей прямо к голубому небу, я тоже сначала помедлил – мне и самому стало не по себе. Смотреть в спину товарища было куда легче. Но возможность увидеть Космодром манила меня, помогала пересилить страх. И я медленно пошёл вперёд и вверх.

Ещё метров через пятьдесят друг окликнул меня. Соблюдая осторожность, я обернулся.

– Я не пойду дальше, – сказал Феру, щурясь на солнце.

Я разглядывал круглое лицо друга. Его веснушки сияли в лучах солнца, которое на высоте ста с лишним метров над землёй палило нещадно. Феру хоть и выглядел увальнем, но был посильней меня физически. С карабинами да захватами для высотных работ он тоже управлялся явно половчей. Но сейчас у него на лбу выступил пот. И на широкой переносице курносого носа блестели крошечные бисеринки страха. Я молчал. А что я мог сказать?

– Ты не думай, я не струсил, – добавил мой друг. – Просто это, оказывается, не для меня.

Я ничего ему не ответил, только кивнул и, медленно повернувшись, пошёл дальше. Одному подниматься было куда трудней, но я твёрдо решил не отступать.

Тяжелее всего было на середине пути, где ферма шла вверх почти под тридцатиградусным углом. Было так страшно, что взмокла спина. Гудели ноги. Казалось, подъёму не будет конца. Сколько я так шёл? Не могу сказать. Время на наручном приборе я не заметил, а по внутренним часам прошла, наверное, целая вечность.

Только когда уклон пошёл на убыль, страх почти отпустил. Я остановился, как только мне показалось, что узкая полоска тверди под ногами стала почти горизонтальной. И лишь тогда позволил себе обернуться. Я сделал это медленно-медленно – страшно было даже подумать, на какой я высоте.

Подставив ветру мокрое от пота и напряжения лицо, я поднял руки, словно собираясь лететь. Я сделал это безотчётно. Сделал потому, что увидел Космодром. Наверное, я слишком много раз делал так во сне…

Вниз идти оказалось сложнее, чем вверх. Когда я поднимался, перед глазами была только серая полоска бетона. Теперь же впереди меня ждал чудовищной длины и крутизны спуск. Никакой опоры, ни малейшей зацепки – древние умели строить безупречно… Соскользнёт нога – и конец. Но деваться мне было некуда, и я шёл, шаг за шагом спускаясь всё

ниже.

Своего друга я нашёл метров на тридцать выше, чем мы с ним расстались. Феру, обхватив колени, боком сидел у меня на пути, прямо на бетонной тропинке, идущей по верхушке фермы. Лицо его было удивительно бледным. А глаза – красными, на щеках – следы размазанных слёз.

– Тебя так долго не было. Я думал, ты не можешь спуститься, – заметив мой удивлённый взгляд, сказал Феру, глядя на меня снизу вверх.

И тут только я понял, что у него с глазами. Нет, он не плакал – просто пытался разглядеть меня на самой верхушке фермы против слепящего солнца.

Так мы и пошли вниз – он впереди, я за ним. Честно говоря, Феру мне очень помог в тот момент – я настолько устал, что временами ориентировался только по его спине. И лишь в самом низу, у того места, где мы поднялись на ферму, друг спросил меня:

– Ну, как там?

– Да ничего особенного, – ответил я, пряча глаза. – Кораблей почти не видно.

Нам ещё предстояло спускаться по тросу вниз. Феру страховал меня, как умел – и это было отнюдь не лишним. Дважды я чуть не сорвался – начал ошибаться, работая с рычагом-захватом. Я ободрал руки в кровь… Запомнился момент: я болтаюсь где-то на середине, пытаясь сообразить,

чем это таким красным перемазана верёвка над головой… Далеко под ногами блестит Уарата. Сил больше нет, и только уговоры друга под насвистывание ветра и мерный шум реки внизу побуждают меня действовать дальше, не расслаблять руки… Я ещё подумал тогда, что обратный путь специально придуман для тех, кто задаётся. Даже если и не слишком сильно – всё равно…

И вот я сижу на бетонном монолите Шоссе и плачу, не стесняясь слёз. Феру молча стоит рядом, сматывая трос. Потом мы в самую жару топаем по эстакадам Круга, по очереди волоча рюкзак с тросом, который потяжелел, казалось, вдвое. И ведь мало было дойти до автобусной остановки, нужно было ещё дождаться автобуса, который, как призрак, возникал из струящегося марева разогретого воздуха над Шоссе раз в несколько часов. Воды мы с собой взять не догадались. И бутербродов тоже…

Мы вяло болтали о чём-то, сидя на рюкзаке с тросом, а я всё думал о Шоссе, которое уходило от пустынной остановки к Инаркт. А в другую сторону – к моему родному городу Кодду. До столицы было полсотни километров, а до Кодда – девятьсот пятьдесят. Но оба крупных города нашей планеты казались мне в тот момент ближе и доступнее, чем верхушка Первого моста, где я только что побывал. И я всё пытался понять – почему.

Глядя на изогнутую ферму Первого моста издали, я вдруг подумал, что если разбежаться по ней как следует, до беше-

ной скорости, то, подброшенный центробежной силой, полетишь в небо…

Когда я стоял там, наверху, дальний край лётного поля терялся вдали – настолько велик был Космодром. В то солнечное утро воздух над ним уже успел прогреться и заметно дрожал. Это был запретный, почти сказочный мир… И восходящие воздушные струи играли его красками, не давая как следует разглядеть – словно дразня…

Я тогда в первый раз всерьёз пожалел, что человек не имеет крыльев. Если бы я мог планировать, как птица, то так бы и ринулся к Южному порталу по прозрачным воздушным волнам. Он был не так уж близко, но, на глаз, для планирующего полёта высоты должно было хватить. Даже на то, чтобы перелететь в конце десятиметровый забор…

Я никак не мог попасть на Космодром, и у меня не было никаких перспектив – я уже знал в то время, что для таких как я легальных дорог туда нет. Но я мог попытаться хотя бы поймать его горячее дыхание! Ветер трепал штанины моих брюк. И я, глупый мальчишка, стоял, ловя его упругие волны раскинутыми руками. Я надеялся, что один из порывов ветра принесёт мне не влажную речную прохладу, а сухой разогретый воздух, пролетевший над десятками квадратных километров монолитного серо-коричневого камня, над приземистыми спинами космических кораблей, едва различимых в дрожащем мареве. Воздух, несущий запахи неведомого. Я вовсе не думал о том, что этот же самый вожделенный порыв

ветра, как и любой другой, может запросто сбросить меня с двухсотметровой высоты – в реку или на бетон Шоссе. Нет, я вовсе не думал об этом тогда!

Первый мост! Это был мой Первый мост. Первое сладостное ощущение победы, когда ещё не знаешь её цены.

Наедине и в одиночестве

Сколько бы ни было друзей, вызов судьбы всегда встречаешь один на один…

Сенатор Ао, Улл, «Размышления вне кабинета», «Бюллетень Независимого Комитета по наблюдению и арбитражу», вып. III, Стр. 25

Я шёл по монолитному полу из чёрного полированного камня. Высоко над головой был такой же чёрный каменный купол. Многочисленные отверстия в нём должны были, наверное, символизировать тысячи солнц, горящих в бездне космоса. Но сейчас они напоминали скорее дыры в прохудившейся крыше мироздания, из которых тусклыми колоннами спускался вниз свет неяркого дня.

Вообще, архитектура сооружений Космодрома довольно своеобразна. Технический эксперт расписал бы её функциональность и строгую прагматичность. Психолог бы, наверное, отметил, что всё сделано с должным эмоциональным подтекстом. А я бы сказал – всё в ней сделано для того, чтобы несведущий человек растерялся и вёл себя скромнее.

Я, конечно, был здесь не в первый раз. Но всё равно чувствовал эту ноту.

В голове моей вместо подобающих моменту торжественных мыслей вертелись глупые вопросы. Например, почему

через дырочки в высоких каменных сводах не просачивается дождь, заставший меня в дороге. Или куда деваются мокрые следы от ботинок на этом чёрном зеркале, в котором мои светлые брюки отражаются нелепым бежевым пятном… И где-то сверху должно быть ещё одно светлое пятно – моё бледное лицо. Перед Аудиенцией не волнуется только глупец.

Я вошёл в центральный зал Резиденции Космодрома. Поперёк этого зала, который официально называется Главным, пролегает широкая полоса ярко-жёлтого цвета, разделяя всё здание Резиденции, со всеми его огромными помещениями, арками и сводами, на две строго симметричные части. Одна из них – для косможителей. Вторая – для планетян. А посередине – Жёлтая Полоса. Граница миров.

На самом деле, эта самая граница устроена несколько сложнее – Жёлтых Полос две. Та, что была сейчас передо мною, именовалась Жёлтой Полосой Внешнего контура. А там, дальше, если преодолеть её и пройти к противоположному выходу из Главного зала, выйти из-под изящной арки на лётное поле Космодрома, пересечь площадку для ожидания, размеченную под наземный космодромный транспорт, и пройти несколько сот метров по прямой, встретится ещё одна Жёлтая Полоса – Внутреннего контура. Она очерчивает границу особой зоны лётного поля со стоянками для звёздных кораблей. Но для планетянина, находящегося снаружи, за десятиметровым забором Космодрома, сути дела это не

меняет. Ему-то всё одно, одна Жёлтая Полоса отделяет его от космоса или две.

Меня встречал офицер народа Песчаных в ранге сотника. Ого, такая честь! Обычно тут дежурит какой-нибудь младший чин. Сотник стоял на Жёлтой Полосе в центре Главного зала. Засунув большие пальцы за армейский ремень, офицер неотрывно смотрел на меня, выпятив подбородок. Это был крупный, чуть лысоватый мужик с обыкновенным крестьянским лицом. Но выправка его говорила о том, что сотник если и происходил из Земледельцев, то покинул свою общину очень-очень давно, возможно, ещё в юности. А может, и вовсе был рождён уже на Космодроме, унаследовав свои крестьянские гены от кого-то из родителей.

С годами я начал лучше понимать значение символов и разных других неявных сигналов, которые хотят до тебя донести. Казалось бы, зачем держать на Космодроме в качестве отряда охраны целый народ, коль знающие люди говорят, что Жёлтая Полоса в любой миг может быть прикрыта защитным полем, с которым ничто в нашем мире, наверное, не справится? Уж не для того ли, чтобы подчеркнуть величие этого гигантского сооружения с искусственным интеллектом? Дескать, посмотри на их судьбу и смирись со своей… Это ж подумать только – всю жизнь на Космодроме! Даже я, которого с детства увлекало всё, что связано с космосом и другими мирами, не мог себе представить, как можно так жить. Но вот, живут же…

В Главном зале и вообще вокруг, насколько хватало взгляда, на зеркальных каменных полах я больше никого не увидел. Возможно, в этот час кроме нас двоих – меня и сотника Песчаных – во всей Главной Резиденции не было ни души. И то мы не смогли по-человечески пообщаться. Дождавшись, когда я подойду поближе к Жёлтой Полосе, сотник показал, как будто кладёт мне ладони на грудь, а потом направил обе свои руки влево, в сторону зала Аудиенций, предназначенного для планетян. Это был особый межпланетный язык жестов, называемый интерадапт, и означало это буквально следующее: «Вам нужно пройти туда». Я и сам знал, куда мне идти для Аудиенции. Да и сотник, похоже, понимал, с кем имеет дело. И потому я был несколько удивлён таким поведением дежурного офицера Песчаных. Тем не менее, я ответил ему, и тоже на интерадапте. Я подчёркнуто благодарно кивнул, а потом, коснувшись пальцами своего лба, опустил руку вниз, как будто вдавливая что-то ладонью. «Спасибо. Я понимаю», – вот что это означало.

«И чего он на меня так смотрит, этот сотник?» – думал я, двигаясь вдоль Жёлтой Полосы в зал для Аудиенций. Офицер космодромной охраны сопровождал меня, шагая по своей территории, по камню, окрашенному ярко-жёлтым пигментом. Диковинного вида лучемёт висел у Песчаного на плече, но руку он держал у оружия, как бы случайно придерживая ствол за цевьё… Знал ли он, что мой вызов на Космодром именной? Наверняка знал…

Интересно, сколько он видел таких вот посетителей? Каждый, наверное, пытается выглядеть уверенным и спокойным. И старается не замечать отражения своего бледного лица, что неотрывно сопровождает его в чёрном каменном зеркале пола…

Так что же за печальная мудрость сквозит во внимательном взгляде сотника? Что такого он ведает, о чём я пока даже не догадываюсь? И почему Космодром перед моим приходом потребовал усилить караул старшим офицером? Конечно, в тот момент, ответа на эти вопросы у меня не было…

Зал Аудиенций, примыкающий к Главному залу, похож на него, только размером поменьше. Всё те же высокие своды из полированного камня с дырочками для звёзд, в которые глядит сейчас тусклое облачное небо. Только в стенах ещё сделаны округлые ниши. А в каждой из них – одно-единственное кресло, каменная тумба и серебристая пирамидка управления.

Говорят, что нишу нужно выбирать с умом, какие-то схемы выдумывают… Но я считаю, что всё это ерунда. И всегда иду в ближайшую. С судьбой в прятки играть бесполезно.

Подойдя к нише, я остановился, достал свою профессиональную карточку и сжал её между пальцами. Подождал, пока вплавленный в неё прозрачный кристалл медленно разгорелся ясным и чистым сиянием, словно преломил в себе лучи самого солнца, невидимого сейчас из-за нависших над миром дождевых туч… Засветился кристалл – значит, мож-

но проходить.

Едва я уселся в кресло, монолитная стена за моей спиной пришла в движение. Скользнув по широкой дуге, она закрыла нишу от посторонних глаз. Уши почувствовали небольшое повышение давления – капсулы для Аудиенции были герметичны. Если Космодром вдруг почему-то раздумает открывать стену, то её не откроет никто. И покинуть капсулу можно будет только лет через двести, естественным путём, так сказать, – в виде праха, который постепенно выдует наружу принудительной вентиляцией…

Это была далеко не первая моя Аудиенция, но я каждый раз волновался. Всего можно ожидать, когда имеешь дело с таким гигантским и всесильным собеседником… Всё, стоп. Пора приниматься за дело.

Я вставил в прорезь каменной тумбы свою профессиональную карту, и она почти мгновенно скрылась где-то там внутри. Потом я протянул руки к серебристой восьмигранной пирамидке, коснулся пальцами холодного шершавого металла. На каждой из её граней были едва заметные бугорки и ямки. Каждая грань играет свою роль. Бугорки и ямки на разных гранях пирамидки повторяются, но в каждом случае набранное имеет особый смысловой оттенок. Символы языка итик были почти не видны, но я знал эту вплавленную в металл азбуку назубок, мне не нужно было смотреть на пирамидку, чтобы работать с ней.

Сначала нужно набрать приветствие – так требует этикет.

Космодром не беседует с безграмотными. Тот, кто даже этого не может, действительно рискует остаться в капсуле для Аудиенций навсегда.

После приветствия пирамидка оживает – на её гранях явственно проступают символы, включается голографический проектор. Это всегда очень красиво: белый лучик из вершины пирамиды сначала тянется вертикально вверх, к чёрному каменному своду капсулы, а потом быстро рисует в воздухе направленную остриём вниз сияющую пирамиду. Это объёмный голографический экран. У него, как и у серебристой металлической пирамидки, тоже восемь граней, и каждая светится своим цветом. Это старая как мир и мудрая система декодирования нюансов человеческого общения. Каждая грань, каждый цвет имеет свой эмоциональный подтекст. Каждая набранная фраза смещается к «своей» грани и окрашивается в её цвет. Считается, что это позволяет собеседникам яснее выразить свои мысли и намерения.

Красная грань – это цвета официального приказа. Оранжевый – цвет надежды, хороших ожиданий. Жёлтая грань символизирует радость или одобрение. Зелёный цвет передаёт уверенность собеседника в чём-либо, это тональность утверждения. Голубой, напротив, демонстрирует неуверенность. Синий – цвет сожаления, печали, прощания. А вот фиолетовый – гнев, большое разочарование, раздражение. Белый цвет никаких эмоций не выражает. Я думаю, что последнее сделано в подражание физической сущности спек-

тра – если объединить все семь цветов, получится белый. Точно так же, если слить вместе все эмоциональные тональности, объединить гнев и радость, приказ и неуверенность, добро и зло, то получится непонятно что, белый шум… Человеческие чувства исчезают в чём-то большем, разом объединяющем их все. И это похоже на белый свет звёзд… Или на белый свет Вечного Моста, который, как говорят, видит тот, кому выпало покинуть этот мир. В смысле, не эту планету, а вообще… Получается, что белый цвет для тех случаев, когда эмоции ещё не родились или уже слились воедино и душа обыкновенного живого человека их не различает.

На самом деле, мне всегда казалось, что эфемерная смысловая ткань человеческой речи куда сложнее, чем эта пространственно-цветовая схема «восемь-на-восемь». Вот и сейчас я испытываю сложные чувства, а формальный диалог ритуального приветствия у нас с Космодромом идёт по белой, безэмоциональной плоскости официальных сообщений. Или это просто оттого, что я испытываю все эмоции разом?

Повторюсь, это была уже далеко не первая моя Аудиенция. И я ожидал увидеть обычную восходящую красно-фиолетовую лесенку требований к правительству колонии и нареканий в его адрес, которая увенчается в итоге золотой восьмиконечной звёздочкой, опутанной затейливым вензелем. Эта звёздочка – эмблема Космодрома. Точнее, так выглядит его шифропечать. Если подняться до этой яркой

звёздочки светящимся диском объёмного фокуса, который с вершины серебристой интерфейсной пирамидки кончиками указательных пальцев можно гонять туда-сюда внутри голографического экрана, то от светящейся перевёрнутой пирамиды проекционного поля отслоится и съедет к вогнутой каменной стене большое сияющее полотно, на котором отобразится официальный бланк Космодрома с той же золотистой восьмиконечной звездой в левом верхнем углу.

У Космодрома всегда есть что поприказывать правительству колонии и есть за что на него погневаться. Развиваемся мы медленно. Если, конечно, вообще развиваемся, а не деградируем, как считают некоторые в сенате Малого Кольца. Все принятые и утверждённые программы развития мы стабильно проваливаем. Вся поступившая по линии Малого Кольца помощь быстро растворяется на необъятных просторах нашей почти не обжитой планеты. Непонятно, кто в этом виноват, но поругать за это Кондукторию, как именуется наше правительство, и её бессменного Председателя Басу́ту представляется вполне логичным.

Однако, вопреки моим ожиданиям, в этот раз с самого начала всё пошло не так. Выше и выше поднимались сцепленные между собой цепочки безэмоциональных фраз, взбираясь всё по той же белой грани. Это могло ничего не означать или, напротив, означать нечто невероятное, лежащее за гранью добра и зла. Я в тот момент так разволновался, что с трудом схватывал смысл написанного на языке технический

итик, хотя знал его вполне прилично. Что-то про неизбежность исторических кризисов в развитии человеческого общества и про то, что обычные, рутинные средства против настоящих кризисов бесполезны и что справиться с ними может помочь только истинная преданность своему народу, своей родине и всё такое…

Космодром умел говорить красиво – лесенка мудрых и гармонично построенных фраз, оттиснутых в голографическом поле чёрным по белому, формировала чёткий симметричный пространственный узор, залюбуешься… Пока я соображал, к чему здесь, в герметичной капсуле для Аудиенций всемогущего Космодрома, такой возвышенный слог, поверх этой гармонии и симметрии высветился маленький искорёженный значок. Такой вид обычно имеют взломанные шифропечати. А шифропечать обычно ставится только на особо важные официальные документы…

Поджав подрагивающие губы, я прищурил один глаз: значок очень напоминал эмблему Лаха, правительственного комплекса планеты Улл. Это были документы оттуда – с великого Улла, одной из центральных планет Малого Кольца.

Тридцать с чем-то лет назад Лах был захвачен мятежниками во главе с тогда ещё молодым полковником Кутой Ш. После того достопамятного мятежа на Улле, центральной планете Малого Кольца, установилось что-то вроде двоевластия. Изначальная власть Малого Кольца во главе с Агой I, Великой Прорицательницей, восседающей на том же Улле

в Полупрозрачном дворце, спрятанном в недоступных полярных горах, не смогла до конца подавить мятеж и вернуть всё на круги своя. Но и мятежникам многого добиться не удалось. Ну захватили они Лах, правительственную резиденцию, угнали во внешние области звёздной системы Улла огромную космическую платформу из орбитального промышленного комплекса, установили контроль над кое-какими военными объектами, но своей конечной цели так и не добились. А цель их была, как я понимаю, – установить в Малом Кольце свои порядки, полностью переделать его под свои новомодные взгляды, лишённые вековой мудрости Полупрозрачного дворца, и всё такое…

На самом Улле, говорят, с тех пор распространилась если не анархия, то как минимум власть бандитов и отщепенцев. Но на безоблачной жизни других планет Малого Кольца и, в особенности, нашей далёкой и полузабытой всеми колонии Имллт, это пока никак не сказывалось. «До сего дня не сказывалось», – машинально подумал я, подгоняя похолодевшими пальцами голографический фокус к взломанной шифропечати Лаха. И тут же, подобно тому, как на предыдущих аудиенциях у меня отслаивался на отдельное голографическое полотно официальный бланк Космодрома, отделилось и съехало к дальней стенке капсулы для Аудиенций полотнище с очень странным документом…

Заголовок его был повреждён – ну, это понятно: сказывались последствия взлома. Причём взлома грубого – поко-

рёженная эмблема Лаха в верхнем левом углу была словно вдавлена в голографический лист каблуком. Основная часть документа содержала всего-то страничку текста. Пять основных пунктов…

Для того, что там было написано, текст был обескураживающе краток. Я дважды прочитал его, прежде чем до меня стало доходить. Глаз выхватывал из документа отдельные предложения, но мозг отказывался сразу выстроить их в некую логическую систему. «…Установить контроль над колонией Имллт путём стремительной и решительной десантной операции…», «…нанести упреждающий удар по объектам инфраструктуры, вывести из строя общепланетную энергосистему…», «…первоочередной целью является уничтожение наземных вооружённых сил и сил воздушно-космической обороны…», «…захват правительственных зданий, узлов связи, транспортных узлов, промышленных и научных центров…». Это был план межзвёздной войны, план захвата нашей колонии!

Постепенно я начал хоть что-то соображать… В голове заворочались мысли… Внутри голографического пространства я потянулся светящимся фокусом к разделу документа под названием «Силы и средства»… И мне тут же открылся новый документ, гораздо более объёмный, где в структурированном виде перечислялось то, что предполагалось использовать для межпланетной десантной операции. Численность десантных подразделений, состав доставляемой техни-

ки и вооружений… В какой-то степени я в военном деле разбирался, но до профессионального военного мне было, конечно, далеко – даже этой информации оказалось для меня многовато. Но каждый пункт можно было раскрывать всё дальше и дальше – в белёсом голографическом тумане выскакивали и съезжали в стороны всё новые и новые сияющие полотнища, всё более подробные сведения о только что открытом мне немыслимом будущем заполняли пространство в капсуле вокруг меня. Наверное, на какой-то миг мною овладело отчаяние: пальцы заметались по вершине холодной серебристой пирамидки, и на меня посыпались чертежи боевой техники, списки бортовых номеров бронемашин и реестры серийных номеров стрелкового оружия…

«На чём же всё это повезут?» – мелькнула у меня спасительная мысль. Тут же мои пальцы сами нашли нужный раздел на одном из бесчисленных информационных уровней хладнокровно продуманного замысла. И вот уже встают передо мной контуры тяжёлых транспортно-боевых кораблей, на рисунки которых я засматривался в детстве. Но я понимал, что их не хватит! А, вот: к ним ещё реестры арендованных грузовых судов с отметками о том, какие контракты уже заключены, а какие ещё только предстоит заключить… И флагманом всей этой эскадры будет десантный крейсер «Сверкающий» – самая настоящая боевая единица, один из двух оставшихся в пределах Малого Кольца полноценных боевых звёздных кораблей. Возможности этого крейсера я

прекрасно знал – у меня даже моделька его в детстве была… Любимая игрушка…

«Но ведь это агрессия! Нарушение Закона! – наконец-то сработала служебная часть моего мозга. – Космодром может просто-напросто заблокировать энергоснабжение своего лётного поля! И тогда подавляющее большинство кораблей не получит ни энергии на обратный путь, ни запасов дейтерия… Что же, они останутся здесь навсегда? Кто согласится на такой контракт?» Но и на это сразу нашёлся ответ – в разделе «Обеспечение операции и подготовительные мероприятия». Ответ этот был несколько километров в поперечнике и имел на борту целых шесть стандартных термоядерных конверторов – как раз таких, какой у нас на Имллт всего один. Космическая платформа, которую мятежники угнали тридцать два года назад. У них всё было предусмотрено – гигантская промышленная платформа с мощной энергетикой и загруженные десантом корабли в нашу систему должна была перенести, и снабдить их энергией на обратный полёт была способна. Кроме того, с таким обеспечением можно было спокойно стрелять по нашему конвертору – у незваных гостей был бы на орбите свой собственный источник энергии.

Ну, и последнее – когда… Когда это всё должно случиться? Я принялся искать ответ на этот вопрос, но натыкался только на чертежи типовых лагерей для военнопленных и карты с районами рекомендованных мест захоронения убитых в боях и расстрелянных защитников колонии… По-

чему-то я не встретил никаких инструкций о том, как поступать с пойманными членами правительства Кондуктории – и не удивился этому. Даже в тот момент мне слабо верилось, что кто-то из них решится с оружием в руках защищать родную планету и попадёт либо в типовой лагерь для военнопленных, либо в одно из рекомендованных мест захоронения…

Расчёт времени нападения оказался самой нудной главой. Честно признаться, прогуляв в университете цикл лекций по управлению, я слабо разбирался в сетевом планировании, и потому все эти многосвязные, сходящиеся в одну точку графики вызывали у меня только головную боль. Главное, что я выудил из этого информационного омута – пока ещё даже точный срок вылета всей этой армады к нам в гости не был определён, не то что ожидаемый период её прилёта. В общем, дата начала войны зависела от хода подготовки в целом, и потому определить её точно на сей момент не представлялось возможным. Да точные день и час пока, наверное, и не были так важны. Поворошив некоторое время многослойный план агрессии – где-то вчитываясь, где-то пройдясь по верхам, – я сделал для себя вывод, что от войны нас пока отделяют годы. Семь-восемь лет, если конкретнее. Но от этого не легче – план успешно реализуется, хоть подготовка пока и в начальной фазе…

Шумно выдохнув, я откинулся в кресле. И тут же, без команды, как будто изрядно потрудившийся проектор толь-

ко того и ждал, открытые мною светящиеся страницы этого жуткого информационного пространства принялись гаснуть одна за другой. Поначалу казалось, в произвольном порядке, но я быстро понял, что это не так… И они не просто гасли – очередной лист с убийственно подробной информацией перемещался откуда-то сбоку в центр поля зрения и, повисев там несколько секунд, медленно растворялся в воздухе, словно специально стараясь получше отпечататься в моём бедном мозгу… Причём в этом параде документов участвовали не только те, которые я открывал, но и какие-то ещё… Например, мне хорошо запомнились карты наших городов со стрелками первоочередных задач для нанесения ударов, расчерченные на зоны ответственности отдельных десантных подразделений, с обозначенными светящейся паутинкой штриховки районами высадки и сосредоточения. Карты я точно не открывал – я до них просто не добрался. Послание как бы показывало мне самоё себя, чтобы я сдуру чего-нибудь пугающего и неприятного не упустил…

И вот, наконец, всё погасло – остались только чёрный полированный камень округлых стен капсулы да сияющая перевёрнутая пирамида голографического экрана с гармоничным узором высокоморальных фраз по белой грани, прессующей воедино добро и зло, светлые идеалы и страх с безнадёжной тоской…

Пока я хлопал глазами, поверх взломанной шифропечати Лаха появилась очередная бесстрастная фраза: «Вся инфор-

мация записана на твою карточку».

«Это официальное послание?» – отстучали мои пальцы по серебристой интерфейсной пирамидке.

Уже в тот момент я начал догадываться, что сейчас произойдёт. И потому задал верный вопрос…

«Нет», – возник у всё той же белой грани безмолвный ответ.

«Там будет печать Космодрома?» – попытался уточнить я.

«Нет», – ответ оказался пугающе лаконичен, но потом Космодром снизошёл до пояснения: «Информация должна быть общедоступна».

Да разве в этом было дело! Я знал, что шифропечать Космодрома имеет регулируемые режимы доступа – хоть всем на свете данные разошли! Но все скреплённые ею документы официальными же и оставались, независимо от установленного уровня допуска. А вот если шифропечати совсем нет… Вопрос был в том, как я явлюсь в секретариат правительства Кондуктории с посланием, которое не имеет статуса официального документа Космодрома!

«И что мне с этим делать?» – в тот момент этот вопрос вовсе не казался мне наивным.

«Поступи с этим как должно», – припечатал меня Космодром.

«А как должно? – мои пальцы, слегка подрагивая, заторопились, забегали по серебристым граням, на лету отыскивая нужные лунки и бугорки. – Не самому же мне это читать?

На нашей планете единственная централизованная информационная сеть. Её основной портал контролирует правительство Кондуктории. А там, как я понял, ожидаются трудности с восприятием информации».

Я набрался дерзости и заговорил с Космодромом, как с человеком! Но белая грань голографического экрана, олицетворяющая единение добра и зла, была непрошибаема, словно белая стена.

«Информация должна быть общедоступна, – вновь сказали мне чёрные буковки, проявившиеся сквозь белое безэмоциональное сияние. – Бери карточку и поступай с посланием как должно».

«Так мне же в Кондуктории башку оторвут, если я туда с этим заявлюсь», – я как-то сумел перевести эту свою мысль на технический итик. Надо же, и соответствующие по смыслу слова умудрился подобрать. Этот язык был родом из прошлых, куда более благополучных времён, и оказался совершенно не адаптирован для сообщения таких примитивных вещей…

В ответ мне пошёл стих на ещё более древнем языке Тдмт – согласно преданиям, на нём говорили строители Космодромов, основатели Малого Кольца. А ещё легенды утверждали, что у начала времён на этом языке сама Вселенная назвала себя по имени.

«Только ты, я и совесть твоя…» – судя по возвышенному стилю, Космодром начал цитировать мне что-то из свитков

«Жемчужин Тдмт».

И почему он считает, что я должен этот язык знать? Ах, ну да, ему ведь известен профиль моей подготовки, заразе каменной… Да, я знал этот язык! И от отчаяния у меня хватило наглости перебить сам Космодром, это великое создание древних!

«А почему только трое?» – вколотили в пирамидку кончики моих пальцев, не дожидаясь, пока на голограмме проявятся все затейливые символы очередной строфы. – «Предполагается, что совесть должна быть только у меня?»

«Я не человек», – ответил мне Космодром.

«Но ты разумен, – возразил я, окончательно сорвавшись с тормозов. – Разве совесть связана только с биологической сущностью? Мне всегда казалось, что это – прерогатива разума».

Свою реплику я пустил по зелёной грани, надеясь наконец уйти от выстроившегося у нас мёртвого диалога в чёрно-белых тонах. Я был уверен в своих словах – почему бы и не зелёная грань?

Целую секунду думал Космодром, что на это ответить…

«Удивительное сочетание – дерзость и комплимент…» – отпечатал мне каменный колосс на голограмме всё в той же бесцветной эмоциональной тональности. – «Почему ты считаешь, что я разумен?»

«Слышал от уважаемых людей. Делаю выводы сам», – без колебаний отозвался я, опять сместив лесенку диалога к зе-

лёной грани. Дескать, не отвертишься, разумный ты – так и давай поговорим о том, на что ты меня толкаешь, как разумный с разумным…

Но нет!

«Вопрос о разуме ещё обсудим, если представится возможность. А сейчас иди. Послание у тебя», – прочитал я ответ. И голографический экран погас.

Вот и всё. Коротко вздохнув, я подумал, что мне так и не удалось оторвать нашу беседу от белой грани. Конечно, кто я такой, чтобы рассуждать со мной о добре и зле в понятной мне, человечишке, системе координат. «Поступай как должно», – и всё тут!

Моя профессиональная карточка, выскочившая из прорези в каменной тумбе, была горячей. И казалась потяжелевшей. Я взял её в руку, обжигаясь, и не поверил своим глазам – кристалл на карточке стал зелёным! Когда я вставлял её в тумбу, он был белым и прозрачным как свет холодного осеннего солнца…

Чтобы хоть немного объяснить свои чувства, скажу только, что смена цвета кристалла на зелёный означала для меня повышение статуса. Очень серьёзное повышение. В моей профессии (и для всех, кто хоть как-то связан с Космодромом) цвет кристалла, вплавленного в профессиональную карточку, означает очень многое. Этот глубокий и чистый изумрудный оттенок давал массу дополнительных привилегий, порой очень важных. Например, с зелёным кристаллом

я мог в любое время, без вызова и предварительного запроса, сколько угодно раз и когда захочу пересекать Жёлтую Полосу Внешнего контура. А ещё требовать Аудиенции по собственной инициативе. Для тех, кто занимается, к примеру, вопросами таможни и межпланетных перевозок – это просто золотое дно. Да и в моей работе такая свобода могла при определённых условиях решить всё дело. Может, даже жизнь спасти… Ну и, помимо прочего, зелёный кристалл сулил заметную прибавку к жалованию…

Круче зелёного кристалла – только жёлтый кристалл, он под цвет Жёлтой Полосы… С ним можно и Жёлтую Полосу Внутреннего контура пересекать! Но это уж такие запредельные возможности, что их и обсуждать нечего.

Я знал в лицо большую часть тех, кто в нашей колонии был профессионально завязан на Космодром. На всей планете лишь двое имели жёлтый кристалл – оба адвомаршала, руководители оперативного и таможенного крыла нашей адвослужбы. То есть Сержант, мой шеф, и человек по прозвищу Папаша Корн. А зелёный кристалл на профессиональной карточке был только у десятка человек, наверное. Теперь вот и у меня…

Зачем это мне было сейчас? Такой жест со стороны высших сил… Подачка? А к чему тогда все эти слова – ну, вроде «только ты, да я, да совесть твоя»? Шанс на спасение от правительственной охраны? Драпать потом к Космодрому? Легко сказать: от столицы до Космодрома пятьдесят километ-

ров… Да и потом, прорвёшься ты за Внешний контур Жёлтой Полосы, а дальше что? Сидеть тут на бетоне и загорать между Внешним и Внутренним контурами? Бродить по пустым залам Главной Резиденции со стороны, предназначенной для косможителей? Здесь же ни еды, ни воды…

У меня было искушение задать этот вопрос – уже встав с кресла, я снова повернулся к тумбе. Но тут заскользила по кругу стена, замыкающая капсулу. Я понял, что никто больше не станет со мной разговаривать. Выметайся по-хорошему – вот что это означало. И разбирайся во всём сам, пигмей несчастный. Пусть и повышенный в статусе, но пигмей…

Я вышел из открывшейся капсулы. Сотник так и стоял на своей Жёлтой Полосе, поджидая меня. Наверное, все после Аудиенции выходят слегка взмыленные, с вытаращенными глазами. Но когда сотник заметил зелёный кристалл, глаза на лоб полезли уже у него…

Шагая по чёрному зеркальному полу на своей стороне зала для Аудиенций, я обошёл сотника по большой дуге. Не нужны мне были его эмоции – своих хватало…

И внезапно я понял, зачем тут сегодня дежурил именно сотник. Полномочий, знаний и опыта старшего офицера народа Песчаных хватило бы для предупреждения и нейтрализации последствий большинства возможных случайностей и недоразумений на моём коротком пути по залам Главной Резиденции. Например, если бы я опоздал, споткнулся и

упал без чувств, засомневался или подвергся вдруг нападению неизвестных на планетянской стороне. Под командованием сотника отряд Песчаных, в соответствии с их уставом, по особым случаям может даже выходить за Жёлтую Полосу Внешнего контура – ведь на предмет экстренных персональных вызовов Космодрома у них там как раз что-то такое и было прописано. Вот оно как… Оказывается, меня страховали на последнем участке. Космодром, а может, и кто-то повыше него, очень хотел, чтобы я всё-таки дошёл до капсулы для Аудиенций. Обжигая большой и указательный пальцы, я сжал всё ещё не остывшую карточку, изумрудным сиянием вплавленного кристалла прокладывавшую мне путь в неизвестность – из преддверия космоса в обычный, приземлённый мир…

На улице лил дождь. Я изрядно намочил куртку, пока добежал до машины, хотя припарковался так близко от главного входа, как только было возможно. И с волос моих текло – словно голову мыл. Поначалу я рванул с места… Как будто шикарный лимузин, беззвучно рассекая колёсами неглубокие лужи, почти незаметные на светлом бетоне, мог унести меня от свалившейся на плечи проблемы… И только промчавшись метров двести, я понял, что не знаю, куда ехать…

Я остановился на Кругу, съехав на внешнюю стоянку, пустынную и огромную, как само лётное поле Космодрома.

Мой лимузин торчал посреди неё чёрной лаковой игрушкой. Подумав, я заглушил мотор.

Дождь, серой дымкой повисший над Шоссе, монотонно молотил по крыше. Холодные линзы луж на древнем бетоне, подёрнутые серебряной рябью, равнодушно глядели в небо.

Почти никто не летал на нашу планету. Эта стоянка должна была бы вмещать сотни грузовиков-контейнеровозов, теснящихся у Юго-Восточного портала Космодрома. Ещё две такие же площадки пустовали сейчас по соседству: у Южного и у Восточного порталов. Дождь безраздельно царствовал на оставленных человеком пространствах. А что будет, если предсказанное в полученном мною послании исполнится?

Я откинулся на сидении. В голове было пусто. Барабаня пальцами по рулю, я тупо смотрел, как, поднимая тучи водяной пыли, пролетают вдали по Шоссе редкие машины.

Выходов у меня было два. Точнее, два с половиной.

Первый – самый простой: помчаться сейчас к шефу и, захлёбываясь слюной, начать излагать подробности произошедшего. Полуторный – разновидность первого – поехать к себе в оперативный гараж и составить подробный отчёт. Как можно более подробный. И завтра, а может, послезавтра явиться в контору и с невинным видом предъявить его шефу. Положительная особенность первых полутора выходов была в том, что, перекладывая ответственность на других, лично я особенно ничем не рисковал. Отрицательным фактором в данной ситуации было то, что если хоть малей-

шая информация об этом необычном послании просочится в правящие круги Кондуктории до момента официального приёма, то это послание со сломанной шифропечатью Лаха в заголовке навсегда останется моим личным проклятием и приговором. Ибо сказано было: «Информация должна быть общедоступна». А обеспечить это в нашей дыре можно было только одним способом – быстро, пока никто ничего не понял, поместить послание в правительственную сеть для официальных документов и зарегистрировать его там от имени секретариата правительства Кондуктории. После этого уже никто не сможет отмахнуться от того факта, что данная информация существует. А это было самое главное.

Колониальное общество наше, на взгляд чужака, устроено, наверное, довольно запутанно. Общины недолюбливают друг друга и не очень-то друг другу доверяют, правительство Кондуктории само по себе, но официальная правительственная сеть объединяет и уравнивает всех, для того её когда-то и создавали. Как только послание с ужасающими подробностями того, как нас будут топтать, стрелять и хоронить в заранее запланированных местах, появится в этой сети, каждая из сторон нашего человеческого муравейника сразу захочет получить себе персональную копию… И даже если послание из правительственной сети быстренько сотрут, каждый потом сможет получить его копию с инфора Космодрома, который моментально записывает в свои архивы все наши документарные перлы и юридические изыски. В назида-

ние потомкам, наверное…

Так вот, если кто-то из администрации Председателя Кондуктории хотя бы почувствует, что что-то не так – ничего не выйдет… Внедрить послание без вензеля Космодрома в общепланетную сеть можно только обманом. А значит, действовать нужно немедленно. Я, конечно, доверяю всем без исключения ребятам из адвослужбы, но информация имеет свойство просачиваться – это всем известно. Да к тому же, в резиденции Председателя Кондуктории Басуты сегодня после обеда ждут агента с Аудиенции – я знал, что вызовы на Космодром по принципу солидарной ответственности всегда дублируются правительству.

А отсюда легко было сформулировать – каков он, второй путь. Этот вариант требовал повернуть со стоянки не направо, в Кодд, а налево, в Инаркт. И вёл он прямо в приёмную Председателя Кондуктории. И как можно быстрее. Преимущество в том, что поначалу в моём поведении не увидят ничего подозрительного. И у меня даже будет шанс провернуть всё в лучшем виде в процессе приёма у Басуты. После чего колония Имллт наконец официально прозреет и осознает, что её ждёт война, ну и всё такое… Недостатком данного пути было то, что я рисковал не успеть воспользоваться положенной мне теперь прибавкой к жалованию. Когда они поймут, что к чему.

Идею попросить совета у шефа я отбросил сразу – о чём спрашивать? Просто поставлю его в известность. Но сначала

я сам должен окончательно решить, что буду делать…

Межзвёздная война…

Слыханное ли это дело для нашей не слишком-то процветающей цивилизации? Хотя, впрочем, почему же неслыханное? Ведь было такое, и не так давно. Атака Звёздных Бригад на планету Зит – и трёх лет не прошло… Звёздные Бригады, наёмные войска, базирующиеся на Улле и на его орбите – это была на тот момент главная боевая сила мятежников. В послании, что пряталось сейчас на моей профессиональной карточке, Звёздные Бригады, естественно, также упоминались – как основа группировки вторжения. Ну да, в общем, похожего много. Только вот, насколько стало известно, на Зит мятежники получили отпор и убрались оттуда с большими потерями. Разбился во время десантной операции крейсер «Сияющий» – однотипный со «Сверкающим», предполагаемым флагманом «нашей» агрессии. Да, как-то им на Зит удалось отбиться, хотя колония там тоже не ахти, типа нашей… Наверное, у них там тоже был свой парень, которому поручили обманом заранее обнародовать план вторжения, потому и успели подготовиться… Так вот, там он небось не трусил и не отсиживался в машине…

Я сидел и слушал, как дождь барабанит по обширной крыше конторского лимузина.

О чём я, собственно, думаю? Это ведь моя земля, моя пла-

нета…

Маленький мальчик со смешными оттопыренными ушами, в предутреннем тумане бегущий в школу по гулким мощёным улочкам Кодда… Оболтус в топорщащейся неуютной шинели с тяжёлой импульсной винтовкой в руках во время восстания Третьей Несокрушимой бронебригады… Точнее, уже не оболтус, а ополченец, который из кузова мчащего его на баррикады фермерского грузовика вместе с товарищами видит, как из высокой голубизны небес падает куда-то на окраину столицы звёздный корабль. Корабль Чакта…

А ему-то, старому космическому охотнику, что нужно было здесь? Чем его тронули наши дела? Он сказал, что не смог смотреть, как силовым полем давят людей… А чем будут заниматься здесь Звёздные Бригады под командованием какого-нибудь очередного отважного командора?

Я вздохнул и, глядя прямо перед собой, потащил за цепочку из-за ворота куртки брелок специальной связи… Всего в десять слов уместилось моё решение. Теперь Сержант знает, что произошло. Знает, что я решил. Знает, куда я направляюсь. То, что Сержант не провалит мою авантюру, не сдаст меня властям Кондуктории, я знал точно – в нём я был уверен больше, чем в себе. Уж от него-то или по его вине информация не утечёт. И ещё я знал, что никто не успеет мне помочь – до нашей базы девятьсот пятьдесят километров. Это и хорошо… Я должен сам. Я должен сделать это один. Так больше всего шансов…

Медленно, очень медленно я коснулся сенсора и завёл машину. Тронувшись с места, я описал по просторам стоянки плавную дугу и, набрав скорость, выскочил на боковую эстакаду развязки Круга, а оттуда – на Шоссе. Самосветящийся голографический дорожный указатель «Инаркт, 50 километров», проскочивший над головой, под струями дождя изменил свой законный зелёный цвет и отсвечивал тревожными и загадочными радужными переливами.

Неоконченная беседа о любви

Есть вещи, беседу о которых никак не удаётся довести до конца. Наша тёмная внутренняя сущность в контексте традиционно неблагоприятных обстоятельств начинает бунтовать раньше – и портит всё дело…

Кстати, вот уже сколько сотен лет не удаётся…

Сенатор Ао, Улл, «Размышления вне кабинета», «Бюллетень Независимого Комитета по наблюдению и арбитражу», вып. III, стр. 3

Я всегда удивлялся – откуда в столице, в Инаркт, на улицах столько народу. Я въехал в город около трёх часов пополудни. Вроде бы и не обеденное время, и не конец рабочего дня… К тому же дождь лил как из ведра. И низкие синеватые тучи вовсе не обещали скорого просветления. Но на тротуарах было полно людей, одетых в яркие разноцветные пластиковые плащи. Мода здесь, кажется, такая… У нас, в Кодде, в это время дня и в такую погоду мода – не мода, а на улицах почти никого не было бы.

Мой родной Кодд стеснён горами и бухтой. По крайней мере, его центральная часть. В Инаркт же строили широко – невысокие красивые дома не теснились к тротуарам, как у нас в Нижнем Кодде, и мне это всегда нравилось. Запомнилось, как я удивлялся этому поначалу, когда в юности прие-

хал сюда учиться.

Пока я ехал по широкому, обсаженному высокими деревьями проспекту Торжества Кондуктории, я успел в который раз мысленно поиронизировать по поводу этого названия, которому было уже полтора десятка лет. Поначалу дела у молодого Председателя Басуты шли очень даже неплохо, и колония переживала нечто вроде экономического бума. Следом за громкими делами пошли громкие слова, а потом почему-то только слова и остались… Как раз тогда и назвали Проспектом Торжества Кондуктории центральную столичную улицу, которая берёт своё начало прямо от стрелки Шоссе и тянется почти через весь город, образуя по пути несколько просторных площадей. Как будто переименование центральной улицы что-то могло исправить…

Здание Кондуктории, заодно исполняющее роль резиденции Басуты, располагалось несколько правее основной магистрали. Я хорошо помнил поворот и уверенно направил туда свой лимузин. Правительственную площадь отделяла от центрального проспекта всего пара кварталов. Тут-то и строились обычно баррикады в случае всяческих кризисов…

Ёрзая от волнения на водительском сидении, я плавно и чинно подвёл лимузин к воротам для официальных визитов, что выходили в переулок на противоположном от площади краю правительственного комплекса. Предъявив охраннику свою обновлённую профессиональную карточку, я сделал скучающее лицо – и тому сразу стало ясно, что я везу с

Космодрома официальные документы. Проехав во двор, со всех сторон закрытый от посторонних глаз высоченным забором, я поставил машину под широкую крышу, которая была очень разумно предусмотрена над парковкой для особо важных персон. Решив, что я как раз такая персона и есть, я деловито хлопнул дверцей и не спеша прошёл к высоким дверям.

Внутренняя архитектура здания Кондуктории явно питалась теми же идеями, что вдохновляли создателей Главной Резиденции. Но масштабы были помельче – тем, кто только что с Космодрома, всё это казалось немного смешным. Причём тут было заведено так: при входе сразу попадаешь в длинный мрачноватый коридор с высоким тёмным сводчатым потолком. Идёшь, идёшь по этому коридору – и никого. Хотя я знал, что тут кругом камеры наблюдения и скрытые двери с охраной. Но тебе старательно демонстрировали, что ты один. Ходишь и думаешь: «Чего я пришёл?» Но все эти фокусы мне были хорошо известны, и я сразу направился к неприметной лестнице на второй этаж, прятавшейся в нише стены.

Там, в нише, меня поджидал пресс-секретарь Кондуктории. Видимо, его вызвал охранник. Секретарь спустился, но навстречу ко мне не вышел. Неужели за те несколько раз, что я здесь бывал, он меня так и не запомнил? Странно, адвослужба на нашей планете не так уж многочисленна, а каждый

приход агента с посланием от Космодрома – это стресс… Неужто правительственный пресс-секретарь просто прятался, втайне лелея надежду, что нервотрёпка с обязательным приёмом посланника сама собой рассосётся? Это до какой же степени нужно одуреть в этом сумрачном покое…

Пресс-секретаря звали Стап, он был в сером костюме, отменно подогнанном по его сухощавой фигуре, имел безукоризненно благородный профиль и безукоризненную же причёску процветающего мужчины среднего возраста. Его столь же безукоризненный блокнот для записей в дорогой обложке был пуст, что господин пресс-секретарь пытался от меня скрыть – по его мнению, гораздо лучше было, чтоб я думал, что сегодня день Председателя загружен до предела.

– Слушаю вас, – предельно вежливо обратился ко мне Стап из тёмной ниши.

– Я с Космодрома, – спокойно ответил я.

А что? Не соврал же…

– Что-то очень срочное? – не глядя на меня, Стап чуть приподнял брови, озабоченно рассматривая пустую страницу рабочего блокнота.

Такой глупый вопрос нужно было ещё суметь задать! Я в ответ только снисходительно пожал плечами. Виновато поглядев на меня, пресс-секретарь чуть замялся.

– Господин Председатель сегодня неважно себя чувствует… – признался он, чуть понизив голос. – Возможно, стоит перенести…

Я покачал головой. Конечно, меня такой вариант никак не устраивал – и этому типу было вовсе не обязательно знать, почему. Да и разве придёт кому в здравом уме в голову откладывать приём посланника от самого Космодрома? Я мог ручаться, что вопрос был задан наудачу.

И действительно, пресс-секретарь только скорбно покивал в ответ.

– Что ж, я понимаю, – вздохнул он. – Любовь к Родине не знает выходных… Но вам придётся некоторое время подождать…

Я не совсем понял, при чём он тут приплёл любовь к Родине, скорей уж тогда служение… И ещё я не понял, при чём здесь выходные – они закончились позавчера. Выходит, они в своей резиденции так бурно их проводили, что до сих пор никак очухаться не могут? Тогда придётся ждать довольно долго… Это пока никак не нарушало моих планов – просто намечалось дополнительное испытание для нервов…

Я уселся на тёмную кушетку, почти незаметную у выкрашенной в чёрно-коричневые цвета стены, и вытянул ноги на середину коридора. Я старался ни о чём не думать, руки засунул в карманы куртки – понимал, что за мной наверняка наблюдают, и если я как-то выдам своё волнение, могут что-то заподозрить. Глаза постепенно привыкли к темноте, и лишь тогда я стал различать дизайнерский изыск этого коридора, который меня всегда забавлял – под тёмными сводами, видимо, символизировавшими просторы космоса, пла-

вали крохотные лампочки-светлячки. Хотя идея была нагло скопирована у Космодрома, а её реализация получилась куда более жалкой, в тот момент, когда отпускает тебя великое и высокое и адаптируешься ты к простецкому, приземлённому – то начинаешь понимать, что это где-то даже в чём-то красиво…

Ждать мне пришлось больше часа. Я даже старался делать вид, что задремал, хотя сердце упрямо колотилось в груди… И вот, наконец, я иду вверх по лестнице в обширную приёмную, занимающую значительную часть второго этажа здания Кондуктории…

Приёмная была обставлена со всей возможной помпезностью. Высокие окна с плотными шторами из дорогой тёмно-серой ткани пропускали в просторную комнату неуверенный свет дождливого дня. Вдоль стен стояли тяжёлые столы из тёмно-красного дерева, рядом с ними были аккуратно расставлены стулья с высокими резными спинками, украшенные накладками из какого-то блестящего сплава. На столах в нескольких местах дремали тёмно-серые пирамидки управления. Ещё одна пирамидка находилась по центру зала, на возвышении, представляющем собой нечто среднее между тумбой и кафедрой. Пресс-секретарь жестом пригласил меня именно туда.

Председатель Кондуктории появился откуда-то из боковой двери. Точнее, сначала вошли несколько его охранни-

ков-мордоворотов, одетых в строгие чёрные костюмы, а потом уже он сам. Басута молча прошёл, не поздоровавшись, и уселся к столу поодаль. Протянул было руки к одной из интерфейсных пирамидок, но не стал её трогать – поморщившись, просто положил их на стол.

Басута был выбрит до синевы. Изящные черты его лица от этого казались прорисованными более рельефно. От него исходил тонкий запах алкоголя – я его почувствовал, когда Председатель проходил мимо. И, кажется, продолжал улавливать потом, когда между нами было уже несколько метров.

Нельзя сказать, что Басута был одет небрежно. Он сам был помят, это да – но отнюдь не его костюм. Зато у господина Председателя можно было поучиться тому, как дорогие, инопланетного происхождения вещи носить так, чтобы едва заметная нотка небрежности подсказывала окружающим, что в глубине души хозяину тех вещей на этих самых окружающих наплевать. Высокий благородный лоб Басуты был чуть тронут философским страданием – но я подозревал, что вызвано оно не тяжёлыми размышлениями об экономическом положении колонии Имллт, а похмельным синдромом…

Я неспешным уверенным шагом дошёл до тумбы с пирамидкой в центре приёмной. Со мной не заговорили – и я не стал ничего говорить. Напустил на себя вид человека, исполняющего рутинные обязанности по службе, вставил свою профессиональную карточку в приёмное гнездо и мол-

ча принялся орудовать с пирамидкой управления. Так мне было проще соблюсти важное правило из кодекса космических охотников: «И не сказав ни слова лжи!» Пусть мой друг и учитель за меня порадуется – уйти, если что, тоже нужно суметь красиво…

Говорил в приёмной только пресс-секретарь. Ему почему-то показалось, что сегодня не был в полной мере соблюдён протокол, а это при общении с человеком, принёсшим сообщение от Космодрома, вообще-то чревато. Если посмотреть на вещи непредвзято, то он был, наверное, прав: то ждать приходится часами, то приём начинается без положенного официального приветствия. Но всё это было бы справедливо только в том случае, если бы я действительно принёс рутинные извещения от Космодрома, а не пытался протащить в правительственную информационную сеть документ шокового содержания без высочайшей подписи…

– … Мы говорили с агентом Ачетом о любви, господин Председатель… – слышал я краем уха. – Какое это хлопотное дело – Родину любить…

Басута слушал его, чуть опустив голову. По лицу господина Председателя Кондуктории я мог с уверенностью прочитать, что больше всего на свете он сейчас желает не любви, а того, чтобы его собственный пресс-секретарь наконец заткнулся.

– … В такой дождь не всякий к своей девушке решится пойти… Или даже поехать… – не унимался Стап. – А мы

вот должны… На своём посту…

Кажется, я стал понимать – это он пытался так мне чуть-чуть польстить, чтобы, если что, я не упомянул в своём отчёте для Космодрома про мелкие служебно-алкогольные безобразия в стенах Кондуктории.

– Ты что же, бабу равняешь со служебным долгом? – не выдержав, вполголоса недовольно проговорил Басута.

– Есть много общего… как мне кажется… мать и родная наша колония… – вздрогнув, Стап с лёгкого перепугу понёсся во все тяжкие скользкой философии пафосных штампов. – Породившая нас сущность… субстанция… Посреди холодного космоса…

Басута поднял на пресс-секретаря страдальческий взгляд… Как вовремя! У меня в перевёрнутой сияющей пирамиде проекционного экрана как раз заканчивался диалог регистрации нового документа в правительственной сети. Терминал вот-вот должен был наложить входящую шифропечать секретариата Председателя Кондуктории, после чего выполняется загрузка самого послания. И как только она закончится – послание можно будет смело называть Посланием. Ибо с этого момента жаркие, но абстрактные политические дискуссии о том, может ли последовать вторжение на Имллт со стороны негативно настроенных к нам высших колоний Малого Кольца, потеряют всякий смысл. И, может быть, мы хоть тогда со страху за оставшиеся годы попробуем что-то сделать для своей защиты… Как это сделали жители

колонии Зит.

Процесс загрузки документа, наверное, ещё можно было как-то прервать, если вовремя глянуть на его выходные данные, выстроившиеся лесенкой вдоль бесцветной грани… Я хорошо знал процедуру регистрации, и пальцы мои работали очень быстро, но белая грань, соединяющая добро и зло, демаскировала меня – ведь послания от Космодрома к правительству Кондуктории обычно были выдержаны в красно-фиолетовых тонах… Однако эти несколько таких нужных мне секунд, это время для короткого окрика, было упущено… Смешно, но, кажется, эта нелепая беседа о любви сыграла мне на руку… Стала той случайностью, которая способна сделать удачной самую дерзкую авантюру.

Охранники всё видели, это да. Но они, эти самые вышколенные, самые отборные на всей планете громилы, только таращили свои оловянные глазки на сияние голографического экрана и стояли в соответствии с утверждённой схемой расположения охраны, демонстративно держа руки у нижней части живота – чтобы, в случае чего, было удобно мгновенно откинуть полу пиджака, скрывающую оружие…

Вот уже и покорёженный значок взломанной шифропечати Лаха выпрыгнул из моей карточки в светящееся информационное поле над пирамидкой управления… Последняя команда: «Документ зарегистрирован». Ну, теперь держись…

Басута, жмурясь от головной боли, наконец, набрал приветствие и его пирамидка засветилась… Если бы всё было

по-честному, сейчас была бы его очередь что-то делать с документом – визировать, назначать исполнителей, набрасывать стандартный унизительный ответ… На мой экран он так и не взглянул. Я постарался незаметно перевести дух. И даже надежда появилась: «А вдруг пронесёт?» Действительно, почему бы не пронесло меня, наглого агента адвослужбы, который обвёл вокруг пальца Председателя правительства собственной колонии… Ведь не враг же он своему народу, господин Председатель-то, в конце концов… И колонии родной…

«Ха-Ха! Стоп! – подумал я в приступе самоиронии. – Эдак меня в ту же дискуссию о любви сейчас затянет…»

– Так… – озадаченно пробормотал Басута.

– Так… – тон Председателя Кондуктории едва заметно изменился. Басута сосредоточенно вчитывался в текст, чёрными бисеринками висящий у белой грани его проектора. По-моему, в тот момент он уже понял, что произошло… Но по инерции всё ещё отказывался этому верить. Стап тоже внезапно умолк.

– Я же говорил, что подобной утечки давно следовало ожидать… – через полминуты подавленно пробормотал пресс-секретарь.

Басута зыркнул на него так, что тот язык, наверное, проглотил.

На длинной шее Председателя Кондуктории вверх-вниз заходил кадык. Я буквально видел, как с него слетел хмель.

Нервно дёрнув пальцами, он ещё раз быстро проверил заголовок только что зарегистрированного документа. А подписи Космодрома-то на нём не было…

– Так… – сосредоточенно повторил Басута.

Председатель Кондуктории сидел и смешно морщил свой высокий красивый лоб.

– Так это что, самодеятельность? – как-то буднично спросил он, рассеянно глядя по сторонам.

– Это важная, срочная информация для правительственной сети и… – начал было я, но договорить не успел.

Басута сделал охраннику едва заметный знак и меня сзади чем-то ударили по голове. Весь мир вдруг стал каким-то большим и звонким, тумба с интерфейсной пирамидкой поехала у меня из рук…

– Министра безопасности сюда, быстро! – услышал я голос Басуты, падая на пол.

В себя я приходил очень медленно. Этому заметно мешало то, что меня продолжали избивать. Удары в живот тупой болью отдавались во всём теле.

– А ну прекратить! – ломающимся противным голоском крикнул кто-то. – И так уже напортачили! Ну почему все такие тупоголовые?!

А, вот это кто! По голосу я узнал господина Шеша, министра безопасности правительства Кондуктории. Пренеприятнейший тип – маленький, тощенький, глазки бегают, нос

крючком… Да ещё и голос тонкий, противный и словно блеющий, как у козлёночка… Но когда он говорит – словно гипнотизирует тебя своей аурой мудрого, знающего своё дело человека. Стоишь, слушаешь. Но как скроется за углом – морок рассеивается, начинаешь плеваться. Правда, сегодня министр безопасности Кондуктории не пытался своим мутноватым взглядом вогнать в меня расположение к своей персоне…

– Поторопились, коллега, – в голосе Шеша слышались визгливые интонации.

Кому это он, интересно, выговаривает? Уж не самому ли Басуте?

– Нужно было дать ему возможность защищаться! – Шеш возмущался тем, что окружающие не понимают таких очевидных для него вещей. – Может, хоть пальбу бы открыл из своего пистолета! Тогда всё к попытке мятежа свелось бы! Эх!

– Ну да! – задумавшись и замерев на секунду, как он частенько делал на моей памяти, Шеш уверенно закончил:

– И тогда зарегистрированная им информация получила бы альтернативное объяснение, более приемлемое для нас… Но вы, болваны! Вы всё испортили!

Тут, судя по звуку, кому-то сильно дали в ухо…

– Но всё равно это когда-нибудь просочилось бы, – с осторожной скорбью в голосе попытался утешить всех пресс-секретарь. – Не сейчас, так через год, через два…

«А ведь он сегодня уже дважды при мне проговорился», – машинально отметил я.

– Уберите отсюда, наконец, этого придурка! – неожиданно взорвался Басута.

Из лежачего положения мне всё виделось перевёрнутым – я увидел, как пресс-секретарь полетел с набором высоты куда-то в сторону, сметая стулья, которые падали почему-то вверх, забавно нарушая интуитивное восприятие законов физики. Затем я увидел модные лакированные туфли Председателя Кондуктории, чьи острые носки замерли у самого моего носа. Простояв секунду, Басута с чувством ударил меня ногой под дых. Хорошо ударил – почти без замаха, но точно и сильно.

«А ведь так и не договорили про любовь», – я корчился на полу, почти теряя сознание, но меня разбирал смех…

Второй мост

Второй мост – это не просто свершение, достойное зрелого человека. Твой Второй мост – это когда ты, сделав что-то важное, вдруг понимаешь, что обречён продолжать… Понимаешь и с опозданием пытаешься решить – готов ли ты к этому… Но мост уже проскочил под колёсами – и Шоссе ведёт тебя дальше…

Кдалл, бродячий философ с планеты Имллт, «Дневник, который я никому не покажу», св. I, стр. 57

– Ну что, – спросил старший охранник хриплым голосом, – Покончил с собой, застрелился? Или не справился с машиной?

– Да, лучше авария, – услышал я над собой козлиный голосок Шеша. – Вёз важную новость, очень торопился. Возможно, уснул за рулём…

– Первый мост?

– Лучше Второй. Там удобнее. Река поглубже. И лишних глаз поменьше.

– Но туда четыреста семьдесят километров пилить…

Они говорили, стоя рядом со мной. И рассуждали так, словно меня уже не было в живых.

– Три часа, если поднажать. Ну, три с половиной… – голос Шеша противно вибрировал. – И по времени как раз сходит-

ся…

Почему я только сейчас заметил, что он к тому же ещё и картавит?

– Ночь. Дождь. Торопился, отключил автопилот… – наставлял моих убийц министр безопасности Кондуктории. – Уснул за рулём. Наши соболезнования. Всё понятно?

– Только не перемудрите, – сказал им всем Басута, словно подводя итог.

Оказывается, моими проводами в последний путь руководил лично Председатель Кондуктории…

Меня опять поволокли по полу. Потом по лестнице. Хорошо хоть, что колония у нас маленькая и в правительственном здании только два этажа…

На улице уже стемнело. А на закрытой стоянке для особо важных персон, спрятанной под широким, искусно сделанным из высокотехнологичных материалов навесом, и вовсе было ничего не разглядеть: редкие лампы на внутреннем дворе главного здания Кондуктории не справлялись с сырыми сумерками. От улицы стоянку загораживал высокий забор. И никто из посторонних не видел, как меня загрузили в мою же машину – словно тюк. Хотя на стоянку дождь не сыпался, площадка почему-то была покрыта мокрой грязью. Моя куртка и брюки в момент пропитались этой гадостью. А одежда, в свою очередь, испачкала заднее сидение лимузина. «Ничего, Уарата всё отмоет», – я ещё пытался мысленно

шутить.

– Дистанция от головной машины сто метров! – приказал чей-то голос.

– Пистолет его не забудьте. И карточку, – напомнил кому-то Шеш, – Когда найдут – всё должно быть при нём.

Я обратил внимание, что в его голосе не было злобы. «Наверное, это и называется зверством – убивать вот так, буднично», – подумалось мне.

Карточку засунули мне в карман куртки, пистолет втиснули в кобуру под мышкой. Потом перед самым моим носом захлопнулась дверца лимузина. Один из охранников министра безопасности полез за руль, второй, у которого левое ухо было заметно больше и краснее правого, уселся на пассажирское сиденье. Машина тронулась, развернулась на пустой правительственной стоянке и резко вывернула на столичную улицу – я даже перекатился на сидении.

А первые лица руководства колонии глядели нам вслед. Ответственные, известные люди, самим народом призванные, чтобы думать о судьбах планеты. Председатель правительства Кондуктории на пару с министром общественной безопасности… Много лет спустя случайно выяснилось, что они даже записи системы охранного наблюдения за тот вечер поленились стереть!

– Как думаешь, довезут? – негромко спросил тогда Басута.

Кадык всё ходил по его тонкой шее. Он так и не отошёл

ещё толком от похмелья.

Задумчиво поглядев на него снизу вверх, Шеш с сомнением покачал головой.

– Ну, чего тогда ждёшь? Давай за ними, – приказал Председатель правительства.

– Нужно выдержать паузу, коллега, – когда Шеш не хотел чего-то делать, он начинал переминаться с ноги на ногу.

Председатель же был твёрд и рассудителен.

– Я просил не умничать… И фары выключи.

Басута говорил мягко и удивительно интеллигентно. В глазах его была лёгкая тоска. Только вызвала её, к сожалению, не боль за колонию, чьё существование, как выяснилось, поставлено на карту. Болела после вчерашнего голова, а отоспаться так и не дали. На записи видно было, что Басута едва удержался, чтобы не дать министру безопасности тумака.

Пока лимузин колесил по засыпающей столице, меня покачивало на ухабах. Подбрасывало порой даже на проспекте Торжества Кондуктории, который я угадал, подсчитывая повороты. И только когда мы вырвались на гладкий, как стол, бетон Шоссе, машина пошла ровно. На всю тысячу километров Шоссе вообще, наверное, ни одной кочки. Я уже давно над этим думал. А сейчас уже не думал, а чувствовал – боком. Лимузин мерно гудел двигателем и шёл как влитой – чувствовалась только лёгкая вибрация от колёс.

У меня внутри словно тикали невидимые часы – сколько нужно времени, чтобы долететь на представительском лимузине до Второго моста? Столько мне и жить…

«Да, Крылатый, не думал я, что мы с тобой вот так покатаемся» – мелькает у меня в голове непрошеная мысль.

Это была не первая опасность в моей жизни. Но впервые мне было так гадко. Словно не с людьми я столкнулся, а с какими-то мифическими гадами из глубин Восточных болот.

Я потерял счёт времени. Затекали вывернутые назад руки. Ступней ног я не чувствовал уже давно. Внутри всё болело. А на лице никаких следов – били профессионалы. Бесполезный теперь пистолет, небрежно втиснутый чужой рукой в кобуру, давил на рёбра.

Когда за окном не проносятся фонари (а после Первого моста фонари в моём мире были большой редкостью), совершенно невозможно определить – движется лимузин или нет. Машина мчалась, а мне казалось – стоит на месте. Обычная иллюзия… Зато я вдруг почувствовал, как во мне самом всё сдвинулось и поехало. Вещи и понятия словно сместились с привычных, устоявшихся годами мест. Это напоминало медленную и очень неприятную лавину – лавину чувств. Хорошо это было или плохо, я никак не мог повлиять на происходящее со мною. Что я мог сделать, связанный и вынужденный всего лишь переживать всё это, не в силах даже звука ни единого издать? «Это ведь агента Ачета по прозвищу Космонавт везут убивать», – я почему-то думал о себе в тре-

тьем лице. И всем наплевать, каким был этот парень, о чём он думал и что чувствовал… И никого, кстати, не обидел… А всего-то попытался вступиться за свой мир, сделать то, что каждый, по идее, обязан был сделать… А его по голове сзади… И вязать… И мордой потом по грязи волочь…

Не то чтобы злость во мне родилась. Скорее тоска. Какая-то незнакомая пока ещё тоска по тому миру в прошлом, отделённому от настоящего всего-то несколькими часами. По тому прошлому, где ещё не было в моей в душе осознанной готовности убивать… И не случайно убивать, в схватке, в гневе или спасая свою жизнь. А убивать за других, из чувства долга, как на войне. Холодно и расчётливо… В бою и исподтишка… Не дожидаясь выпада противника, самому начинать атаку, спланировав всё как по книжке…

Когда я отправился передавать Послание (я уже мысленно именовал его именно так, с большой буквы), я знал, на что шёл. Я понимал свой риск. Случалось, били меня и раньше, и не раз. Но я не был таким. И даже тогда, много лет назад, когда на лесной просеке я насмерть бился с агентом инопланетной резидентуры, я таким не был. Убитый мною враг исполосовал меня тогда ножом, и мне было очень больно… Но я поймал его на приём и зарезал его же оружием… Как же я переживал тогда! Но сейчас было куда хуже, хотя не так уж сильно меня избили… Да, всё было хуже! Гораздо хуже! Наверное, в тот момент, лёжа связанным на заднем сидении Крылатого, я впервые почувствовал, что такое война…

В засаду, которую устроил Сержант, мы влетели неожиданно. Машина вдруг стала тормозить – сначала не колёсами, а двигателем, натужно и резко, даже с каким-то внутренним стоном… А потом – во все тормозные диски, от души визжа покрышками. Потом как-то сами собой распахнулись дверцы – все четыре сразу! Дальнейшее я не успел разобрать, потому что слетел с заднего сидения на пол. Со связанными руками и ногами, да ещё в лимузине – это запросто… Весь мир закувыркался, я очень неудачно упал на спину, прямо на вывернутые руки. И тут же какие-то крики, возня вокруг…

Рывок – и чьи-то сильные руки выдернули меня из прохода между сидениями прямо на бетон Шоссе, в слепящий свет перекрещенных фар.

– Вот он! – воскликнул кто-то, и краем сознания я узнал голос Саста.

– Головной машине – голографический барьер! – а это уже был приказ Сержанта.

И тут же где-то далеко впереди завизжали тормоза, отчаянно и безнадёжно. А потом – хлопок, как будто лопнул надутый бумажный кулёк.

– Свет! – опять потребовал Сержант.

Луч фонаря резанул по глазам. Кто-то не слишком нежно выдернул кляп.

Я проморгался – надо мной стоял шеф.

– Жив? – вопрос Сержанта был жёстким, как пощёчина.

– Да вроде… – пробормотал склонившийся надо мной Саст.

– Я не тебя спрашиваю!

Я прохрипел что-то в ответ…

– Развязать!

Все торопились – и усилиями друзей я, связанный как гусеница, ещё не один раз ткнулся носом в дорожную грязь. Вот освободились руки… Вот, наконец, и ноги мои смогли отделиться одна от другой…

Я лежал ничком, прижавшись щекой к мокрому бетону. Сколько чувств сразу бушевало во мне! Боль в вывернутых суставах всё не проходила. Хотелось и плакать, и смеяться… Только теперь я почувствовал, как болит всё внутри…

– Встать, агент! – резкий голос Сержанта раздался над моей головой. – Работать надо, а он разлёгся!

До сих пор удивляюсь – как я тогда встал? Я ведь ног совсем не чувствовал… Но всё-таки я выпрямился, пошатываясь… В белом сиянии фар, наискось прорезавших ночь… Попытался непослушными пальцами размять затёкшие кисти рук, но шеф не дал мне опомниться…

– Ачет! Меры обеспечения при транспортировке объекта на ликвидацию? Быстро!

– Пустить ещё одну машину следом, – машинально выдал я ответ из учебника специальной тактики, подаренного мне Сержантом несколько лет назад. – Без фар, втихаря…

«Сообразил быстрее, чем подумал», – мелькнул в голове

старый каламбур всё того же Сержанта.

– Интервал! – не отставал мой командир.

– Минут семь-десять… – я пытался шевелить пальцами ног.

– Положительная оценка! – резюмировал Сержант. По его тону было не угадать, остался ли он доволен ответом. Особенно в такие моменты.

– Если Ачет прав, то по графику осталось четыре минуты! – спокойно сказал шеф.

– Выключить фары! – взмахнув рукой, заорал он кому-то в темноте. – Убрать машины с дороги!

С едва слышным щелчком мир вокруг погрузился в угольно-чёрную тьму. Но в нескольких местах тут же вспыхнули тактические фонари. Почти одновременно сам собой заработал мотор представительского лимузина, только что отбитого у супостатов.

– Пятьдесят метров вперёд! Там грузовик! За руль! – этот приказ, похоже, был адресован уже мне. И чтобы я не сомневался, что именно мне, последовал толчок в плечо. И ноги бросились исполнять приказание раньше, чем в голове всё встало на место…

Позади двое наших вязали руки одному из министерских громил, возя его мордой по дороге. Это был как раз тот, что сидел за рулём. Поверженный агентами адвослужбы охранник стенал что-то по поводу того, что реквизированный у

меня лимузин сам собой затормозил, да ещё и двери почему-то пооткрывались… Я невольно оглянулся на бегу.

– А не бери чужую машину, чужое оружие и чужую женщину! – выдал в ответ Саст одну из нетленных контрабандистских мудростей, нажав при этом задержанному коленом на поясницу и ловко затянув на вывернутых запястьях пластиковые наручники.

Рядом, ухмыляясь, стоял коренастый Красен с пультом дистанционного управления в руках…

Глаза постепенно привыкли к темноте. Ковыляя, я бежал вдоль обочины в указанном направлении. По ту сторону кювета тянулся высокий неровный забор. Через несколько десятков шагов он под прямым углом свернул от Шоссе куда-то в непроглядную тьму, уступив место ухабистому просёлку, убегающему в осеннюю ночь. На просёлочной дороге темнела тупая морда здоровенного четырёхосного крестьянского самосвала. Самосвал стоял без огней, но двигатель работал. Сразу было ясно – наши!

Я вцепился в ручку водительской двери и рывком поднял себя на подножку. За рулём сидел Стаки, на лбу у него была примитивная армейская маска ночного видения.

– Опа! – увидев меня, радостно воскликнул он. – Живучий ты, братан!

– Держи! – рукопожатие длинной жилистой руки бывшего танкиста было крепким, и он буквально втащил меня в

кабину, а сам ловко перепрыгнул на пассажирское сидение.

– Для тебя его берегли, – Стаки хлопнул ладонью по рулю. – На случай если бы они дистанционное управление сумели как-то заблокировать…

– А головную машину голографическим барьером сняли? – я пытался воссоздать в своей бедной ушибленной голове общую тактическую обстановку.

– Ну да! – хохотнул Стаки. – Они как по тормозам с перепугу вдарили, да в сторону… Вот с трассы и сошли…

– Давай, работай, Космонавт! – крикнул мой друг, одной рукой распахивая противоположную дверцу кабины, а другой стаскивая с головы маску. Но мне он маску не отдал – указал на лежащий на торпеде боевой шлем. Это был мой шлем, который Сержант утром велел оставить у него на столе… Прежде чем я успел сообразить, что к чему, Стаки спрыгнул в темноту, хлопнул дверцей и побежал куда-то – Сержант всегда распределял роли людей заранее, каждый во время операции знал своё место во всякий момент.

Мой боевой шлем… Никто из ребят, кроме меня, не умел им пользоваться. Надо же, догадались притащить! Скорее всего – Сержант приказал. Странно, что даже Стаки боялся шлема. Пытался я его как-то научить, всё-таки с техникой человек работал – но тот в нём чуть не задохся.

Да, шлем – это вещь, к которой нужно привыкнуть. В первый раз, когда я его надевал – тоже перетрусил изрядно. Но это же было моё… Нужно просто понять: это – моё! И по-

тому в юности я сразу сунул голову внутрь компьютеризованного металлопластикового горшка, как только звёздный охотник Чакт это предложил. И не царапал себе горло, подвывая, когда респираторно-скуловой адаптер впился мне в губы, залез в ноздри и перекрыл дыхание. Нужно было подождать несколько секунд, я это знал. Мне это не просто далось, признаюсь… Всего лишь подождать несколько секунд, пока внутренняя часть адаптера неумолимо лезет к тебе в рот, обжимая дёсны… Нужно дождаться, пока закончит работу осушитель слюны – а там и дыхание пойдёт бесперебойно, но уже через инжекторы дыхательной системы шлема, расположенные на затылке. А потом нужно ещё научиться взглядом отдавать команды боевому компьютеру… И бегать в шлеме, и прыгать, и драться… Но зато какой класс потом чувствовать себя настоящим охотником! И не ради завистливых взглядов товарищей я это делал… Я просто хотел быть – настоящим. Без дураков. Без скидок на окраинную колонию.

Вот и сейчас – я был у Сержанта единственным шлемником. Кроме него самого, наверное… И мне поручили самый ответственный участок. Ведь я в своём шлеме мог видеть не только сквозь ночь, но даже сквозь забор слева и сквозь кабину грузовика. Разглядел я и несколько тонн корнеплодов, наваленных в кузове… Уж не знаю, как там в точности всё это делалось, но для боевого шлема подобные препятствия были – лишь серые тени. С водительского места самосвала,

притаившегося на боковой дорожке, за углом забора, я прекрасно видел и Шоссе, бегущее от Инаркт, и всё вокруг. Я видел наших ребят, спрятанные по обочинам машины и то, как конторский лимузин скатывался с дороги в кусты, тяжело подбрасывая плоский полированный зад.

В углу поля зрения мерцала метка ожидания связи. Я понял – это шеф ждёт меня, чтобы отдать указания. Как же у него всё рассчитано, однако…

– Восемь – три, к работе готов, – назвался я в эфире, припомнив бортовой номер самосвала, метровыми цифрами намалёванный на дверце. Сказал я это как можно спокойнее, хотя сердце так и выпрыгивало из груди. Шлем был предусмотрительно включён в сеть закрытой связи, в которой работала сейчас вся наша команда – в этом я не сомневался.

– Долго возишься, Ачет! – тут же услышал я голос Сержанта в шлемофонах.

Он говорил негромко, но я слышал его так, словно он был рядом. Шлем всё-таки вещь серьёзная…

– Они уже близко. Остановить, загородить им дорогу, – приказал мне Сержант. – Подлови на удар, не дай уйти. Всё ясно?

– Вполне! – это Стаки всегда отвечал «Так точно!», а я в армии никогда не служил…

– Будь внимателен. И дай им немного для торможения, чтоб не всмятку…

– Вижу их! – доложил я, заметив на внутришлемном экра-

не, что на идеально ровном полотне Шоссе появилась движущаяся точка. – Всё сделаю!

Это был настоящий боевой шлем, а не просто игрушка для ночной охоты. Проследив мой взгляд, встроенный компьютер сразу определил, что я считаю целью, и построил прицельную диаграмму, не забыв при этом напомнить, что нет готового к бою оружия. Пистолет мой лежал в спрятанной под курткой кобуре. Но мне сейчас не был нужен пистолет. Вместо пистолета у меня был самосвал.

Краем глаза я следил за приближающимся лимузином службы безопасности – он был по классу ничуть не хуже нашего, конторского. Я умел пользоваться автоматическими дальномерными системами шлема, его боевой компьютер уже рассчитал и необходимое упреждение, и точку встречи. Хотя я был уверен, что сегодня всё и так получится, безо всякой этой боевой графики шлемного компьютера, который рисовал мне вокруг вражеской машины сужающиеся кружочки и разноцветными паутинками чертил перед глазами букеты траекторий… Точно выбрав момент, я рванул самосвал с места…

Что есть силы я потянул на себя рычаг уравнителя угловых скоростей и вдавил в пол педаль контроллера, безжалостно слушая, как заревел от натуги двигатель. Стиснув руль и наклонив голову в шлеме, я видел сквозь ребристую тень стальной рамы грузовика, как колёса, пробуксовывая,

яростно отбрасывают гравий… Вот передние мосты, перевалив за кочку, взбираются на край Шоссе… Вцепившись шинами в шершавый бетон, тяжёлая машина кончила буксовать и, грузно качнувшись, буквально прыгнула вперёд.

Лимузин министра безопасности Кондуктории был уже близко. Слишком близко. Мы со шлемом всё правильно рассчитали – им было не увернуться. Как бы там ни визжали покрышки…

Я принял их на задние мосты. Удар был страшный. Резкая судорога прокатилась по могучему телу моего самосвала. Гром был, как от пушечного выстрела… Самосвал мотнуло вправо, занесло и развернуло почти вдоль Шоссе. Я до предела вывернул руль против заноса и постарался аккуратно положить тяжёлый грузовик бортом в дальний кювет. Краем глаза я видел в шлеме, как корнеплоды из кузова волной взлетели аж до самых придорожных кустов… Получилось почти удачно – только кабина в последний момент взбрыкнула так, что я не удержался за рулём. Меня вырвало из сидения и бросило на крышу, которая после кувырка стала стеной. Но шлем защитил голову от удара, а остальное мне было неважно…

Это был не я… Да, это словно был уже не я. Это не был мой первый бой, но такое я ощущал впервые. Я словно сделал следующий шаг – и приблизился к тому, что нормальным людям лучше никогда не испытывать. Удивительно лег-

ко подтянувшись на поручнях внутри вставшей на бок кабины, я толчком ноги распахнул дверь, глядевшую теперь в пасмурное ночное небо, и с непривычной для себя грацией хищника выскользнул наружу.

Искорёженный министерский лимузин замер, раскорячившись посреди шоссе. Вокруг всё было усыпано пластиковым крошевом. Через секунду открылась задняя левая дверь и в неё вывалилась чёрная тень. Вывалилась – и метнулась к обочине, прямо к моему самосвалу, лежащему в кювете. Я не сомневался, что системы безопасности дорогой правительственной машины сохранят жизнь её пассажирам даже при таком ударе. Но теперь этому типу, пытающемуся улизнуть, предстояло встретиться ещё и со мной.

Это был Шеш, министр безопасности, собственной персоной! Благодаря шлему я прекрасно видел в темноте – в отличие от своего противника. Я приподнялся на повёрнутой набок кабине, нащупывая ногами опору рядом со вздыбившейся в небо подножкой. Шеш бестолково вертел головой, движения были неуверенными – видать, здорово его оглушило. Шустрый же он, однако – его свора ещё даже не очухалась, чтобы из машины вылезти, а он уже почти смылся…

Странно, но во мне даже злобы особой в тот момент не было, только какое-то рассеянное спокойствие. Вот он почти добежал до кювета, куда улёгся мой самосвал… Он был без спецсредств и потому не видел во тьме ни меня, ни моей здоровенной машины. Улучив момент, я беззвучно прыгнул

в темноту, наперерез улепётывающему министру безопасности моей колонии. Я сбил его с ног. Он пытался сопротивляться, мы сцепились было. Но драки никакой не получилось. Он запаниковал – и жёсткий удушающий приём у меня получился как-то сам собой.

Сжимая зубами адаптер боевого шлема, я беспощадно душил человека, который только что – и двух часов не прошло – приказал меня убить. Казалось, вот-вот мой локоть раскрошит его кадык. Что я чувствовал при этом? Ничего…

Вспыхнули фары конторской машины. Бело-фиолетовый свет залил всё вокруг, протянув вдоль Шоссе резкие тени. Шлем быстро перестроился – ему что свет, что тьма, всё едино. Боковым зрением я видел, как ко мне неспешно подошёл Сержант. Постоял над нами пару секунд. Потом постучал костяшками пальцев по затылку моего шлема.

– Агент, отпустите его, – сухо сказал адвомаршал, выдерживая официальный тон.

И имени моего, конечно, не назвал.

Я разжал руки и встал – рывком. А Шеш остался лежать на мокром бетоне Шоссе. Хрипя, он пытался дышать, хватаясь за горло.

– Встать! – рявкнул Сержант.

Поверженный министр безопасности даже замер на миг от страха. А потом поспешил исполнить приказание. Оторванный воротник его плаща беспомощно топорщился. Шеш за-

вертелся на месте, не зная, куда себя девать.

– К свету! – приказал Сержант.

Здорово у него получалось – наверное, в тот момент немного нашлось бы людей, которые посмели бы ослушаться его. Длинный нос министра засветился, засиял в беспощадном свете бьющих из темноты фар.

– Надо же, господин министр… – в голосе Сержанта звучало хорошо сыгранное разочарование.

Мой шеф даже руками развёл. Лицо же его было непроницаемо.

– Как вы здесь очутились?

Надо отдать Шешу должное – оглушённый страшным ударом о самосвал, полузадушенный злобным агентом в безликом сером шлеме, в один момент превратившись из палача в жертву, тот удивительно быстро нашёлся, когда почувствовал, что обстановка снова меняется.

– Так… Дела позвали, уважаемый коллега… – министр уклончиво пожал плечами, сразу же приняв независимую позу.

– Ваша ставка в Инаркт, – напомнил ему Сержант.

– Вся планета – зона моей ответственности, коллега, – озабоченно поведал Шеш своим противным ломающимся голоском, поправляя оторванный воротник. – Обо всём приходится заботиться, знаете ли…

Шеш, скотина, как же он умеет держать себя… Ни паузы,

ни заминки. Теперь начнёт в свою сторону перегибать…

– Ну, и как же вы всё это объясните, коллега? – поведя рукой вокруг, министр безопасности колонии старался говорить как можно внушительнее, но всё-таки дал «петуха».

– Недоразумение, – Сержант был немногословен и абсолютно невозмутим. – Мы проводим операцию по задержанию контрабандистов. Ориентировка на днях поступила из вашей же службы. Всё задокументировано. Ваша машина шла без огней. Так что сами понимаете…

– То есть, Вы хотите сказать – мы сами виноваты?

– Так получается… Коллега, – ответил Сержант, жёстко усмехнувшись.

– Имейте в виду, адвомаршал, несмотря на своё положение… Не думайте, что вы абсолютно неуязвимы, коллега! – сказал Шеш.

Потрясение всё-таки взяло своё – министр безопасности колонии не смог окончательно совладать с чувствами и принялся своим козлячьим голоском отпускать в адрес Сержанта ничем не подкреплённые, непродуманные и потому бессмысленные угрозы. Выглядело это довольно жалко.

– Я так и не думаю, господин министр, – равнодушно ответствовал Сержант и, больше не обращая на него внимания, принялся командовать.

– Убрать с дороги эту рухлядь! – крикнул он, указывая на расплющенный лимузин министра безопасности, из которого как раз достали и разложили на дороге всю ушибленную

министерскую свиту.

– А самосвал? – спросил подскочивший откуда-то сбоку Стаки.

– Оставить так, – отмахнулся шеф. – С местной крестьянской общиной я всё улажу утром.

– Космонавт, за руль! – он указал мне на наш прячущийся в кустах лимузин.

Проверял он меня, что ли? Хотел понять, насколько долго в таком стрессе продержусь? Насколько я крепче того же Шеша? Да пожалуйста, пусть проверяет…

– Наша машина головная, остальные следом с интервалом в три минуты! – уже на бегу услышал я в шлеме уточнение задачи.

И вот мы мчимся по Шоссе в сторону Кодда. Справа, на месте пассажира – Сержант. Сзади Стаки и Красен, между рядами сидений куча какого-то оборудования. Остальные в двух других машинах, которые следуют за нами. И это правильно – я же в шлеме, я всё вижу сквозь ночь. Если будет какая-нибудь засада, то я замечу её раньше всех, задолго до того, как мы подъедем… Но какая сегодня ещё может быть засада? Вся команда «отработанного» нами министра безопасности, постукивая на ночном холоде зубами и утирая разбитые носы, топчется у своих раскуроченных машин. Помощи из Инаркт им ждать несколько часов – мы, наверное, раньше до Кодда доберёмся. Но я понимаю, что это трени-

ровка по теме «отход с места проведения акции». Автопилот не включать! Не расслабляться! И всё такое…

– Держи скорость выше! – добавляет Сержант, словно прочитав мои мысли. – Никто из наших не отстал?

В шлеме я могу видеть идущие за нами машины, не поворачивая головы. С двумя дополнительными датчиками, которые шеф велел мне закрепить под потолком кабины, шлем пробивает ночь на несколько километров.

– Всё нормально! – докладываю я.

Я понимал, что Сержант специально после всего пережитого поручил мне самую сложную задачу – вести головную машину. Словно учил меня, что когда сил уже, кажется, совсем нет, всё ещё можно многое сделать. Что кто-то должен быть вечным лидером и никогда ни на что не жаловаться. Что ж, урок был усвоен – ещё недавно мне казалось, будто я уже ни на что не способен, будто я даже встать не смогу, а сейчас вот веду всю нашу колонну на высокой скорости – и ничего. Впрочем, Крылатый, словно решив своим машинным нутром, что он в чём-то передо мною виноват, шёл по трассе сам, моего вмешательства почти не требовалось…

Шлем автоматически сканировал ближнюю и дальнюю зоны, но никаких потенциальных целей не находил. Шоссе было абсолютно пустым. Кроме наших машин, на многие десятки километров в обе стороны – никого. Но я оставался начеку.

– А думал ты о том, парень, почему утренний вызов Космодрома был именным? – спросил меня вдруг Сержант.

Я едва удержался, чтобы не повернуть к нему голову. Голову мне поворачивать не требовалось – в шлеме почти круговой обзор. Это был чисто психологический порыв.

– Нет, – признался я, задирая кверху зажатый респираторно-скуловым адаптером подбородок, и действительно впервые об этом задумался.

– То есть Космодром ещё и выбирал, кого бы подставить? – удивлённо выдал я через некоторое время.

– Он выбирал достойного, – поправил меня Сержант.

– И сегодня ты не подвёл, показал себя героем, – произнёс он, помолчав немного.

И, усмехнувшись по-дружески, добавил:

– Местного значения…

Я понял его иронию и рассмеялся. Великая Мать, если посмотреть на все эти наши подвиги со стороны…

– Смотри, не возгордись, Космонавт… – хитро напутствовал меня шеф.

– Вот ещё, – фыркнул я. – Никогда не собирался быть героем. Готов с кем угодно поменяться – пусть его под дых бьют…

Я заметил, что Сержант внимательно смотрит на меня, хоть и не может разглядеть лица сквозь непрозрачный шлем. В его взгляде было любопытство… А может быть, даже грусть…

Я же тем временем думал о другом… Машинально произведя в уме кое-какие расчёты, я вдруг понял, что засаду за полтысячи с чем-то километров от базы нужно было начинать готовить раньше, чем я доехал до Кондуктории. Это тоже была тема для размышления на будущее… Мне ещё предстояло узнать, как мчались и по Шоссе, и по воздуху мои товарищи, чтобы опередить неизбежные события. Как Сержант с Уицем кружили под дождём над придорожными посёлками, выискивая удобное место для засады. И как Сержанту, завидевшему подходящий самосвал, пришлось прямо из люка катера прыгать на крышу деревенского дома, так как не оставалось времени, чтобы искать в сгущающихся сумерках площадку для посадки… А Уиц ещё летел потом во тьме на базу, сквозь грозовые облака да без ночной аппаратуры в кабине… Так что геройствовал нынче не я один.

Через два десятка километров Шоссе начало едва заметно подниматься и, наконец, вздыбилось плавной волной. Второй мост! Внизу широкой размашистой чёрной дугой проплыла во тьме излучина Уараты. Второй мост – его ни с чем не спутаешь! И ведь совсем немного они меня не довезли…

Да, это был мой Второй мост. В том самом аллегорическом смысле, который стало модно обсуждать с лёгкой руки Кдалла, нашего местного бродячего философа. Но понял я это далеко не сразу. Только через пару дней…

История с Посланием была разыграна как по нотам – я потом поражался, как можно настолько детально просчитать ситуацию заранее. И точно предсказать, как кто поступит и в какой последовательности. За себя могу сказать: я и сам, если честно, до последнего момента не знал, как поступлю. Неужто и все мои сомнения, и мой душевный порыв были всего лишь частями общего плана? Как-то не по-людски это. Хотя… Чего ещё ждать от Космодрома?

В общем, вышло так: Послание, зарегистрированное мною в правительственной сети, оттуда, конечно, быстренько стёрли. Но осталась архивная запись в реестре Космодрома, где дублируются все наши правительственные документы. Как и предполагалось, все заинтересованные стороны бросились к инфору Космодрома получать себе персональную копию из его архива. И когда делегации всех общин западного побережья столкнулись там нос к носу, прибыв к Главной Резиденции примерно в одно и то же время, всё это переросло в стихийное торжественное действо, чем-то напоминающее древний ритуал Единения Общин. Медники, Кожевенники, Каменщики, Рыбаки, Охотники, Земледельцы – все выстроились у входа в Главную Резиденцию почтительным полукругом. И представитель каждой из общин по очереди заходил в главный зал и шёл к инфору со своей карточкой.

Сержант заблаговременно пригнал туда же, к Главной Резиденции, всю мою смену – обеспечивать безопасность и по-

могать тем, кто забыл, каким концом в инфор вставляется профкарта… Но никаких видимых угроз безопасности не было, и наша группа в виду такого неслыханного парада общинных иерархов, не сговариваясь, выстроилась в торжественное каре и замерла на фланге. В конце концов, каждый из нас тоже был из какой-то общины, но все мы находились сейчас на общественной службе – и мы не нашли другого способа выразить почтение всем вместе и никому в отдельности…

И вот наступает очередь общины Кожевенников, к которой я принадлежу по роду своей матери. Вперёд выходит высокий худой старик в чёрном балахоне, Смотритель Кердгер. Он протягивает руку – и словно тень, отделившаяся от складок его балахона, скользит к дверям. Я растерянно моргаю, и наваждение проходит. Просто такой же чёрный балахон у девочки, что он отправил к инфору. Это его внучка по имени Ии. Щуплый подросток, ей всего тринадцать. То она стояла, прижавшись к деду, а то вдруг – пошла одна в Главный зал, да ещё так уверенно… А в руке-то у неё личная профессиональная карта! Не по возрасту это ей – профкарту ещё нужно заработать… Ничего себе девочка…

Взгляд большущих карих глаз Ии безбоязненно скользит по собравшейся у входа толпе – и останавливается на мне! И я вдруг понимаю: она всё знает… И чувствую, что эта самая Ии в свои тринадцать уже понимает цену определённых поступков и молча, сдержанно восхищается тем, что я совер-

шил. И ещё в её взгляде есть что-то такое, чему сразу слов не подобрать… Надежда? Да, наверное… Ну, знаете ли! Подумаешь, не струсил я разок – и что теперь? Не хочу даже думать, чем я могу оправдать перед своей планетой такой аванс, такую искреннюю веру в мои непонятно какие способности… Послушай-ка, юное черноволосое кареглазое создание по имени Ии… Гляди, сколько в твоей свите плечистых молодцов, все как на подбор. Ага, понимаешь ты, что их готовности отдать жизнь во имя общины может оказаться мало… Нужно суметь ещё и дело до конца довести, да? Ладно уж, иди наконец к инфору – а то Медники уже, вон, с ноги на ногу переминаются. Словно прочитав мои мысли, девочка, чуть улыбнувшись, опустила взгляд, и чёрный балахончик заскользил дальше… А я, переведя дух, поднял глаза к небу…

Да, правду, наверное, говорят, что Ии – будущая Правительница. Вот так, даже словом с ней не перемолвились, пара секунд – а я уже весь взмок. Стою красный, как варёный речной краб… И безо всяких фокусов вроде ментальной атаки – от атаки-то можно защититься. Просто посмотрела…

Я стоял и думал, что аллегорический Кдаллов Второй мост – это вовсе не тогда, когда ты, совершив благородный поступок, выжил под кулаками супостатов. И даже не тогда, когда ты, спасшись от убийц, храбро надавал по морде самому министру безопасности. И даже не тогда, когда твой шеф глядит на тебя с грустью, в отличие от тебя самого осознавая

всю тяжесть павшего на тебя выбора.

Второй мост – когда ты смотришь в эти глаза. В глаза этой загадочной девочки в длинном чёрном балахоне, за которой стоит твоя община. Да что там – весь народ стоит, просто не все умеют вот так смотреть. И ты вдруг понимаешь, что эту ответственность, эту чужую надежду тебе уже не сбросить с плеч. Да, дружище, ты понимаешь, что ты – влип!

Москва, 2012–2016 гг.